



Возвращение Турецкого

Фридрих Незнанский

Страшный зверь

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Страшный зверь / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Возвращение Турецкого)

В крупном южном городе убит бизнесмен. Выехавший для расследования сотрудник Генеральной прокуратуры тоже убит. В дело вместе с сотрудниками из охранно-разыскного агентства «Глория» вступает Турецкий, начинающий по просьбе вдовы убитого коллеги поиск убийц и заказчика. Однако вскоре и Турецкий вынужден покинуть город вместе с родственниками убитого следователя, которым также грозит смертельная опасность. И тогда он придумывает хитроумную комбинацию...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	13
Глава третья	23
Глава четвертая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава первая

Ночные выстрелы

Свидетели показали, что выстрелы раздались около половины десятого вечера. Они слышали два, во всяком случае. А еще они – муж и жена, возвращавшиеся из гостей и бывшие определенно навеселе по этим, вполне понятным причинам, не сразу сообразили, что явятся в дальнейшем единственными свидетелями дерзкого покушения на жизнь московского следователя.

Они не сразу и сообразили, что произошло в их дворе, прямо у собственного подъезда. Два громких, сухих хлопка, раздавшиеся подряд, в общем-то, не испугали Алексея Владимировича Боронина. Мальчишки во дворе в последние дни перед Новым годом, черт знает где, находили всякого рода китайские петарды и фейерверки, о низком качестве которых постоянно твердили по телевидению милицейские власти, и развлекались тем, что ближе к ночи взрывали их. Бесчисленные хлопки, похожие на выстрелы, грохотали почти до полуночи, когда любителей праздника разгоняли участковые милиционеры и дворники, и уже никого особо не пугали, кроме, разве что, собак и кошек. Но именно на этих животных резвившаяся молодежь вовсе не обращала внимание. А хозяева мирных домашних друзей сердились и жаловались тем же участковым, после чего история шла по замкнутому кругу: резвились, стреляли, жаловались, угрожали, резвились, стреляли и так далее.

Вот все это, вместе взятое, и не насторожило Борониных, когда они входили с улицы под арку ворот во двор дома, в котором жили. Заметили только, что мимо них быстро прошли, можно сказать, почти пробежали двое озабоченных мужчин, которые в буквальном смысле запрыгнули в темную машину, стоявшую у обочины засыпанного палой листвой тротуара, на повороте во двор. Эти двое явно торопились. А Боронин, держа жену под руку, но, скорее, держась за более устойчивую супругу, войдя во двор, немедленно наткнулся рассеянным взглядом на темно-красные в свете лампочки у подъезда «Жигули» седьмой модели – у него были такие же, а возле машины лежащего ничком человека. До него было всего метров двадцать.

Вскрикнула Наталья Александровна, сообразив первой, что здесь произошло, и тогда дошло и до ее супруга. Он остановился в ожидании неизвестно чего и задерживая жену. И в это время лежавший на проезжей части мужчина медленно поднял голову, уставился на них, хрипло, одним горлом, произнес:

– Стоять! Стрелять буду...

После чего он выстрелил в черное небо. Очевидно, как показалось супруге Борониной, насмотревшейся по телевизору разных бандитских и ментовских сериалов, этот человек произвел предупредительный выстрел. Так обычно должны поступать сотрудники правоохранительных органов при задержании опасных преступников. И еще она подумала, что он, вероятно, принял их за грабителей. Или убийц? Но затем голова его, вслед за правой рукой, в которой был зажат пистолет, бессильно упала на асфальт.

А Боронины, исполняя команду неизвестного им человека, стояли, не двигаясь и не шевелясь, и боялись подойти ближе. Но тут вдруг зазвонил телефон, оказавшийся в откинутой в сторону, левой руке мужчины. Алексей Владимирович, не понимая, что он делает, отцепился от жены и медленно пошел к лежащему на снегу, возможно, водителю данной машины. А, подойдя ближе, он тут же обнаружил в открытой дверце водителя два крупных «паучка» от пулевых отверстий. Ну, конечно, только теперь и ему, и его жене стало ясно, что здесь, возле их подъезда, только что тяжело ранили человека, либо он уже умер, потому что лежал без движения. А телефон продолжал настойчиво пикировать неизвестную Боронину мелодию.

И он решился: вынул из руки человека трубку и, нажав на клавишу вызова, поднес трубку к уху. Раздался раздраженный женский голос:

– Гера! Ну в чем дело? Ты где?

– Извините, – робко ответил Боронин, – но если хозяина телефонной трубки зовут Герой, то он лежит убитый возле своей машины.

– Что?! – взорвалась криком женщина. – Где?!

– Возле дома двадцать девять... – пролепетал Боронин. – У нашего дома...

– Не уходите! Стойте на месте, я бегу!

Раздался стук: очевидно, телефонная трубка упала на пол. Жена Боронина между тем, не приближаясь, жестами нетерпеливо показывала мужу, чтобы он бросил трубку и уходил, уходил... Но он ничего не понимал: происходящее было как-то выше его разумения.

Как показалось, минуты не прошло, и громко стукнула дверь подъезда, у которого и стояла машина, и из него выскочила молодая женщина. С криком: «Гера!», – она кинулась к машине. Но не к Боронину, который легко узнал в ней соседку с верхнего этажа Катю Молчанову, диктора местного телевидения, а к лежащему на снегу мужчине.

Она схватила его голову и попыталась повернуть к себе, но Алексей Владимирович увидел, что таким образом она, скорее всего, просто свернет ему шею.

– А что, он еще живой? – спросил Боронин.

– Кажется, да, – с надеждой прошептала женщина. – Дышит, да, да!

– Погодите, надо аккуратно... – Боронин присел возле женщины, чуть не упав на мужчину – выпитое в гостях неожиданно дало о себе знать. – Ос... сто... рожно надо...

– Да вы пьяный?! – с возмущением воскликнула женщина. – Отойдите прочь!

– К... как хотите, – он пожал плечами и с большим трудом встал. – Нате ваше... – протянул ей телефон.

– Зачем он мне?! Немедленно звоните в милицию, в «скорую»! Ну, что вы медлите, пьянь поганая?! Звоните, я приказываю!

– Че... го? – гордость проснулась в душе Боронина. – Тебе надо, сама и звони! – и он кинул трубку на снег рядом с ней.

– Ах, так?! – уже взвилась она. – Ну, ты у меня дождешься, мерзавец! – Она схватила трубку и стала набирать номер.

– Леша, пойдем отсюда, – робко сказала жена, и он пошел к ней, на тротуар.

– Стоять! – завопила соседка. – Не смей! Всем стоять на месте! – а сама все пыталась вызвать милицию, либо «скорую». И ей это, наконец, удалось.

– Да пошла ты! – заорала и Наталья Александровна. – С ней, как с человеком, а она – как собака на людей! Леша, уходим, тебе это надо – на свою голову?

Молчанова вздрогнула и узнала соседку снизу.

– Ой, Наташа, извините ради Бога! У меня, видно, мозги не на месте! Помогите, пожалуйста! Вы ж видите, он умирает! Не уходите, пожалуйста! Алексей Владимирович, простите, и вас не узнала... Помогите мне... Алло? Милиция?... Какая пожарная? Причем здесь пожарная?! Простите! Господи! Скорая?! Скорее!..

Боронин забурчал себе под нос и снова наклонился над мужчиной, едва удержав равновесие. Вдвоем они с трудом перевернули мужчину на спину. Лицо его было залито кровью, большая лужа осталась под ним на асфальте. Другой раны не было видно. Женщина в одном халате, без верхней одежды, стояла голыми коленками на ледяном асфальте и не замечала этого. «Скорую» она вызвала, а теперь разговаривала с милицией, диктуя адрес дома. Боронину стало жалко ее – такую молодую и красивую, с обнаженными в раскрывшемся халатике ногами, надо же, черт возьми!.. На экране телевизора она совсем другая, – гордая, величественная. А этой ему почему-то захотелось подложить под ее замечательные ноги свою дубленку. И он

уже стал расстегиваться, но вовремя опомнился, сообразил, что чуть не совершил глупость, вспомнив уколы ревнивой супруги:

– Катя, идите домой, оденьтесь, вы же простудитесь... – заговорил он участливо. – А я пока здесь побуду, не бойтесь, не уйду...

– Спасибо... – почти застонала она, закашлявшись. – Я сейчас, я – бегом... – И она убежала, снова хлопнув дверью подъезда, а Алексей Владимирович остался, прислонившись к машине.

– Ну, что, ты доиграешься у меня с этой!.. – сердито заявила супруга, не приближаясь, однако. – Чего тебе-то надо здесь? Что ты все лезешь, стоит ее увидеть?

Наталья Александровна хорошо помнила те, весьма заинтересованные, взгляды, которые кидал обычно ее муж при встрече на роскошные ноги соседки. Да что – он, и все остальные мужики – будто сговорились! Как женщина, Наташа понимала, что ноги у Катерины действительно очень хороши, но, как жена, прямо-таки ненавидела в такие минуты мужа. Ей самой Бог не дал таких ног. Да и возраст уже не тот, и одышка, вот и смотрит Лешка, негодяй, на сторону...

– Слышь, Наташа, иди домой, – морщась, ответил Боронин. – И без тебя тошно, ей-богу! Нельзя же так... – Он громко икнул. – Милиция, не понимаешь? Тебе надо, чтоб к нам в дом шли? А мы – свидетели... Ну... так вышло...

– Ой! Сейчас начнется! Что видели, где были, почему?

– Вот иди и ложись, а я приду... скоро...

«Иди, ложись... Как же!», – размышляла между тем Наташа и с возмущением качала головой. Где ж это видано, чтоб Катерина, полуголой выскакивала наружу, на холод, в таком виде? И кто ей этот? Муж? Нет у нее мужика! Значит, любовник! Надо же, ну, хороша! Это какие ж теперь разговоры-то пойдут! Прав Алексей, надо идти домой, не дожидаясь милиции, да позвонить Маринке, рассказать, какая жуть во дворе-то приключилась!

– Хочешь стоять, ну, так и стой, как дурак, на свою глупую голову! – сказала она, поворачиваясь, чтобы уйти в подъезд.

– Иди, иди, – отмахнулся муж пренебрежительно.

– Чего? – вмиг встрепелась Наталья. – Ты куда это собственную жену посылаешь?! Знаю я тебя! Жена за порог, а у него сразу глазки свинячьи по сторонам разбегаются!

Она, конечно, сразу поняла, уже по одной мужниной интонации, что тот хочет остаться наедине с Каткой, пока не приедут «скорая» с милицией. А когда те приедут, еще ждать да ждать. Ишь, ты, какой быстрый! Не дождется!.. А Маринке и завтра позвонить можно, они ведь уже, поди, давно в постели с Серегой. Вот же повезло бабе с мужиком! Уж как он ее сегодня миловал-то, смотрел как! Под столом коленку гладил – заметно было, а Маринка только что не взвизгивала, хулиганка... Ну, конечно, проводили поскорей гостей, да и... понятное дело... И завидно, и видишь, что твой-то поезд давно ушел... А этот еще и глазки строит! Ну, погоди у меня...

Первой прикатила милиция. В экипаже, естественно, оказался врач, судебный медик. Он, отогнав неизвестно откуда взявшихся «зрителей», склонился над мужчиной, долго ощупывал, распахнув одежду на груди, прислушивался к его дыханию, а затем раскрыл свой чемоданчик со всякими лекарствами и инструментарием. Присевшему на корточки рядом с ним милицескому майору он негромко сказал, что обнаружил на теле раненого два пулевых следа. Первая – прошла по касательной, раздробив нос и изуродовав щеки. Она и вызвала бурное кровотечение. Но это дело было вполне поправимым, пластическая операция, то, другое, главное, остановить кровотечение. А вот со второй оказалась гораздо хуже: она пробила руку и вошла в грудь мужчины под мышкой, остановившись, по всей вероятности, где-то рядом с сердцем, иначе бы мужчина давно уже был покойником. Как это произошло? Очевидно, он, еще сидя

в машине, поднял руку. Может быть, говорил по телефону?.. Нижний след от пули в стекле определенно указывал на это обстоятельство. В общем, здесь требовалась срочная операция.

Майор, узнав из документов, найденных в кармане тяжело раненного, узнал, что тот – старший следователь Следственного комитета при Прокуратуре РФ, подполковник юстиции Ванюшин Герман Николаевич. А еще стало ясно, что он – не местный, а москвич. И расследовал он, скорее всего, уголовное дело, связанное с бывшим начальником областного УБОПа, полковником милиции в отставке Краевым, подозреваемым в организации убийства бизнесмена Неделина. Расследование длится второй месяц, и в этой связи уже задержаны несколько бывших сотрудников отставного полковника, но показаний против своего прежнего шефа они не дали, и дело зависло. А в санкции на арест Краева начальнику следственного отдела милиции отказал областной прокурор. Знал уже об этом, слишком «громком» деле дежурный оперативный сотрудник.

Просмотрев найденные документы и оставив эксперта-криминалиста разбираться с вещественными доказательствами и уликами, майор принялся за осмотр местности. А дежурный следователь прокуратуры занялся допросом свидетелей. Благо они оказались на месте, рядом с тяжело раненым. И среди них следователь Нарышкин с большим удовольствием узнал широко известную в городе телеведущую Катю Молчанову, настоящую «звезду» областного масштаба. Она была одета с небрежностью красивой и свободной от предрассудков молодой женщины, выскочившей прямо из постели, что очень понравилось немедленно вообразившему себе эту картину Борису Егоровичу – так охотно представился ей следователь. Но красавица, похоже, плевала на свой внешний вид: на ней была короткая дубленка, надетая прямо на такой же короткий халатик, – для зимы очень рискованно с голыми-то ногами, да и вообще. На чем он и остановил ее внимание. Точнее, сначала сам запнулся пристальным взглядом на ее замечательных, обнаженных выше колен ног, а потом уже и на всем остальном – на дубленке, халатике там и прочем. Разыгравшееся воображение продолжало «рисовать» следователю «сладкие» картинки, но Катя, как звали ее все в городе, только отмахнулась, нетерпеливо морщась. Попросту же послала его подальше, на что он нашел в себе силы не обидеться и отнестись к реакции признанной красавицы снисходительно. Она, нервничая, ожидала «скорую», где были и настоящие врачи, и реанимация. Чувствовалось, что ее боязнь «потерять» этого московского следователя была не безосновательной.

Чтобы не «морозить» напрасно чрезвычайно приятную женщину, следователь пригласил ее в дежурную машину, на которой прибыл на происшествие, чтобы снять показания. Но свидетелем она оказалась в буквальном смысле никаким, ибо выскочила, по существу, по звонку собственного телефона, на который ей ответил случайно оказавшийся на месте происшествия сосед с нижнего этажа. И тот, по ее просьбе, ожидал своей очереди. Вместе с супругой, которая все нервничала и норовила уйти домой.

Хоть и не о чем было говорить по существу дела с Катей, Нарышкин не торопился почему-то расстаться с ней, расспрашивал, что она увидела, приблизившись к раненому. А ей уже надоело повторять одно и то же. Поэтому, когда подъехал, наконец, «реанимобиль», она небрежно отмахнулась от «важного» следователя и выскочила из его «Волги». Не положено так поступать какому-нибудь свидетелю, разумеется, но что поделаешь? Толку от нее все равно никакого. И Нарышкин, тяжело вздохнув, позвал в машину главного свидетеля Боронина.

Тем временем эксперт-криминалист исследовал входные отверстия от пуль. Одна из них определенно застряла в теле раненого, и достать ее оттуда мог только хирург, а вторая, раздробившая переносицу, пробила еще и противоположное дверное стекло и улетела в пространство двора. Найти ее на дворе, засыпанном толстым слоем потемневшей листвы, не представлялось возможным. Из этого обстоятельства следовало только одно: произвести идентификацию ее можно было лишь после работы хирурга, который извлек бы ее у раненого москвича.

В обойме «Макарова», принадлежавшего Ванюшину, не доставало одного патрона, следовательно, он также произвел выстрел. Об этом свидетельствовали оба члена семьи Борониных, услышавших сначала два громких «хлопка». Думали, что мальчишки балуются, и поэтому не обратили внимания на двоих мужчин, торопливо проследовавших мимо них в «темную» машину, стоявшую у обочины тротуара. Одним словом, там зацепок не было никаких. А затем, уже при них, этот человек, упавший на снег, приказал им не двигаться и сам произвел выстрел в небо, после чего замер окончательно. Но зазвонил телефон в его руке. А дальше из дома выскочила соседка Молчанова, которая и звонила этому мужчине, назвав его Герой. Значит, он был ей хорошо знаком, и она сердилась, что он задержался. Ну а потом она и свидетелей «попросила» подождать приезда милиции. О раздраженном тоне Катерины и краткой стычке с ней Боронин решил не говорить, зачем осложнять отношения с известной, красивой женщиной? Гордиться нынче надо таким знакомством. Больше того, не исключено, что в будущем, напомнив ей об этом ночном происшествии, удастся установить с Катюшей более приятный контакт, а там и в гости напроситься. С вином и цветочками – женщины это любят, чтоб все было любезно и обходительно. А что, Алексей Владимирович вовсе не считал себя пожилым человеком, и с молчаливым юмором относился к совсем не обоснованным подозрениям своей супруги. Уж что есть, то есть, не отнял еще у него Господь умения и сил доставить удовольствие женщине, как бы ни ревновала его рано постаревшая и «обабившаяся» Наташка...

И Нарышкину, и всем остальным членам оперативно-следственной бригады было ясно, что попытка убийства определенно связана со служебной деятельностью Ванюшина. А вот о самой «деятельности», к великому сожалению следователя, ничего толком не знала Катя Молчанова. И это очень расстраивало Нарышкина, размышлявшего о том, как Катя захочет отвечать ему на подобные «интимные» вопросы не в машине, а пригласит его к себе в квартиру, чтобы рассказать о москвиче. Кто он, что собой представляет, какое отношение имеет к ней, что их связывает? Может, любовные отношения? И с какой стати он приехал к ней так поздно на «Жигулях», взятых в агентстве напрокат? А может, это вовсе не его служебная деятельность здесь виновата и стала причиной покушения, но чья-то ревность? За Катей ведь каждый не прочь приударить, в надежде на... взаимность. Словом, Нарышкину было, о чем поговорить с Молчановой. Если бы та согласилась. И он уже сделал ставку на эти вопросы. Но она просто ушла от темы, заявив, что ее личная жизнь не имеет отношения к покушению. Как он ни настаивал на своей «рабочей» версии, приводя веские, на его взгляд, доводы, и опираясь на личный опыт. Отрезала и – все! Вот и понимай, как хочешь. То есть, унизила его профессиональное достоинство, не стала отвечать, будто в душу плюнула!

Нарышкину, считавшему себя молодым и очень способным следователем, на которого обращали внимание и девушки, и некоторые женщины в Управлении, совсем не безразлично оказалось бы внимание Кати. С этой яркой женщиной просто так ведь не познакомишься, отошлет одним словом, это было тоже известно. Не получилось, ну, что ж? В конце концов, можно и пригласить ее в Следственное управление – для уточнения отдельных вопросов. Вот это уже произведет настоящий фурор! Все дамочки позеленеют от зависти, увидев одни только ноги этой теледивы, проходящей в его кабинет. А уж он-то постарается, чтобы разговорчики пошли, она еще пожалеет о своей резкости.

«Надо же, – все еще предвкушая свое торжество, размышлял Нарышкин, – какой-то следователь-москвич, якобы помогает местной прокуратуре расследовать дело об убийстве Неделина, а на самом деле ночует у Молчановой! Уж это теперь и дураку ясно: вон, в каком виде она его встречала! Из постели выскочила, не иначе. Везет же дуракам, такую бабу отхватил!...»

Но дальше этих соображений фантазия Нарышкина не продвигалась, что-то стопорило ее. Возможно, то обстоятельство, что, по правде говоря, и называть-то Катю бабой было не очень уместно и остроумно. Женщина, конечно, видная, сексуальная, с такой только и заниматься любовью. Да она и сама, вишь ты, почти полуголая выскочила к москвичу. Не о следо-

вателе же Нарышкине она думала! Значит, действительно их что-то связывает... Нет, никак не мог отделаться от своей, случайно выдвинутой, версии молодой и способный следователь, умевший производить благоприятное впечатление на женщин и девушек Управления.

Допрашивая затем свидетеля Боронина, а после и его дородную супругу, Нарышкин не мог отделаться от мысли, что с Катей у того потерпевшего все непросто. И он решил проверить по своим каналам семейное положение Ванюшина, небось, и женат, и детей имеет, не молод уже, хорошо за сорок, а туда же! Вот, пожалуй, мотив, на котором можно попробовать и поиграть с непреклонной Молчановой. А почему не попробовать? Ну, обломится, так за спрос, говорят, и денег не берут...

Он наблюдал, как Ванюшина забирала «скорая», а Катя, словно позабыв о своем неприличном виде, пыталась отправиться в больницу вместе с ним, и уговаривала врача. Но тот категорически отказывал, несмотря на то, что прекрасно знал ее, – каждый Божий день в телевизоре видел. И даже, это Борис Егорович немедленно и со злорадством отметил, тот показал Молчановой на ее, мягко говоря, легкомысленный наряд. И непробиваемая Катя, увидел Нарышкин, смутилась, наконец. И, оглядываясь на отъезжающую «скорую», понуро отправилась домой. Вот тут уже не мог выдержать следователь, выскочил из машины, походя, извинившись перед Борониной и сказав, что забыл спросить у свидетельницы Молчановой про одну важную вещь. Он догнал Катю и, «педалируя» свой вопрос, настойчиво попросил ее все-таки ответить, в каких она отношениях с пострадавшим? Очень серьезно спросил, будто от ее ответа зависела его дальнейшая карьера. Понимал же, что не станет она отвечать на его ехидный вопрос, но полез, что называется, напролом, не смущаясь, что унижает этим ее. А, по правде говоря, в нем вдруг разыгралось желание отыграться за ее откровенную неприязнь к важной персоне дежурного следователя прокуратуры.

Катя посмотрела на него с нескрываемым уже отвращением, но сдержанно ответила, что он может спросить об этом у самого Ванюшина, когда тот придет в сознание. И, в свою очередь, задала вопрос, кто будет вести расследование по этому делу? Нарышкин с достоинством ответил, что, скорее всего, будет поручено прокурором именно ему, Борису Егоровичу, – он подчеркнул свои имя и отчество, напоминая. Но Катя отреагировала с оскорбительной небрежностью. Она окинула его презрительным взглядом, словно царица – в этом-то своем «постельном» одеянии! – хмыкнула и заметила, что в таком случае ожидать реального результата, видимо, не стоит. И повернулась, чтобы уйти, не прощаясь, что, тем более, окончательно уже «завело» Нарышкина, и без того едва сдерживавшего себя. И он сорвался.

– Не желаешь отвечать тут, вызову повесткой, и только попробуй не явиться, под конвоем доставлю! Ишь, ты, фифочка!

Он и отреагировать не успел, как получил хлесткий удар ладонью по лицу. И замер так, держась за щеку, которую словно лизнуло пламя. А она спокойно шла к подъезду, и за ней громко хлопнула дверь, что и вывело следователя из минутного столбняка.

– Ах, ты, сучка поганая! – бесясь от ярости, заорал он вслед захлопнувшейся двери. – Ну, уж теперь я тебя достану! Не докажу, так ослаблю на весь город, поглядим еще, кто из нас сверху окажется!..

Он огляделся: не видел ли кто? Нет, вроде не обратили внимания. Тетка эта – в машине, а опер с фонарем на корточках ползает, ищет улики. Он не знал, что молча ухмылявшийся оперативник все происходящее пронаблюдал от начала до конца. И свидетельница Боронина за окном машины тоже отреагировала, как любая, оказавшаяся на ее месте, оскорбленная женщина, убедившись лишний раз, что все, без исключения, мужики – сплошная мерзость. А Катерина, как бы она к ней ни относилась, права, съездив этому кобелю по его наглому харе. Только так нынче и можно отстоять свою униженную женскую честь. Молодец, Катька!

Поэтому, торопливо заканчивая теперь допрос Натальи Борониной, Нарышкин размышлял только о своей скорой и неотвратимой мести смертельно оскорбившей его Молчано-

вой. Это ж ведь не над ней, а над ним станут смеяться и пальцем показывать! В полутьме салона дежурной «Волги» он приглядывался к выражению лица свидетельницы: видела или не видела, – но кроме ее скуки и неприязни к нему, так ничего и не обнаружил. Кажется, не обратила внимания, и, слава богу...

На следующий день он готовил материалы к возбуждению уголовного дела о покушении на Ванюшина, и решил чувствительно «прижать» строптивую телеведущую. Позвонил к ней домой, но там ее не оказалось. И на службе, на телевидении, куда перезвонил тут же, сказали, что была, но недавно укатила по заданию главного редактора, которого тоже нет на месте. Впрочем, они могли и ошибаться относительно Молчановой. Беседовать с ними у Нарышкина не было охоты, это лишь насторожило бы Молчанову, а пользы – никакой. И он решил подождать. А перед уходом на обеденный перерыв позвонил в Москву, в управление кадров Генеральной прокуратуры. Представившись, попросил дать ему полные сведения о семейном положении старшего следователя по расследованию особо важных дел Ванюшина Г.Н., находящегося в настоящее время в городском госпитале в связи с умышленным причинением тяжкого вреда его здоровью по признакам статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации. Эти сведения были необходимы в интересах следствия, ведущегося сейчас по факту покушения на жизнь «важняка».

В Генпрокуратуре, естественно, были в шоке, но на вопрос Нарышкина ответили. И ответ Москвы чрезвычайно разочаровал Бориса Егоровича. Он узнал, что жена Ванюшина до брака с ним носила фамилию Молчанова, и что зовут ее Валентиной Андреевной. И у Кати тоже было отчество – Андреевна. Значит, они были родными сестрами. Таким образом, рушилась наиболее удобная версия следствия. Ведь в противном случае расследование могло тянуться сколько угодно, имея в виду, что любовных связей у этой Молчановой наверняка было немало, и тщательный разбор каждой из них предоставил бы Нарышкину несомненное удовлетворение: допросы, очные ставки, «острые и пряные» вопросы... Это будет очень изящная и изощренная месть Бориса Егоровича, не привыкшего, чтобы с ним разговаривали неприличным тоном, да еще и с применением мордобоя, – и это при исполнении служебных обязанностей. Ничего, она еще попляшет перед ним, но он будет неумолим! Жаль, что придется, видимо, в конце концов, расстаться с этой версией...

Впрочем, нервы потрепать самоуверенной сучонке все равно нужно, спесь с нее сбить. Ну, кто, например, возьмется утверждать, что какой-нибудь ревнивый «крутой» бизнесмен, из возможных любовников Катерины, не заподозрил в непотребных, гнусных связях свояка со своей свояченицей? А что? Пусть сама и попытается опровергнуть! Жену Ванюшина – для полного комплекта, что называется, – еще можно допросить, намекая, так сказать... Вон ведь как Боронина-то ее характеризовала поначалу, а ведь ближайшая соседка! Стерва, говорит, все на чужих мужей заглядывается... Правда, она тут же и отказалась от своих слов, велела вычеркнуть... ну, что за народ? Сами говорят и сами же отказываются?!

А прокурору, подумал Нарышкин, эта версия может определенно понравиться. Провинциальная, понимаешь, трагикомедия, и никакой тебе политики. А то ведь расследование дела о покушении, а затем и убийстве Неделина, в котором подозревается участие Краева, активно стимулирует Москва. Но в нем, по-видимому, никак не заинтересованы ни губернатор, ни начальник ГУВД области, ибо там может оказаться немало неприятных намеков, а то и компрометирующих фактов для областного руководства. Прокурор, конечно, как всегда, в курсе, и сумеет ненавязчиво перенести акцент с дела о новом покушении теперь уже на москвича не в связи с его служебной деятельностью, а по причине всяких любовных интриг и проказ известной телевизионной ведущей, несущей с экрана в массы одно, а на деле занимающейся всяким непотребством. А для провинции – так и модно, и остро, и даже пикантно. И пусть, в конце концов, версия о какой-то причастности Молчановой к покушению на ее родственника

не оправдывает себя, там видно будет: время-то, в данном случае, на кого работает? Так почему же не попробовать?..

Вот на этой версии, отправляясь на доклад к прокурору области, Нарышкин, умевший, как он сам считал, держать нос по ветру, и решил настаивать, имея ее при себе в качестве основной.

Глава вторая

Есть только миг...

Заверещал дверной звонок, и младший юрист Алевтина Григорьевна Дудкина, исполнявшая должности секретаря директора ЧОП «Глория» Всеволода Михайловича Голованова, а также, чем особенно гордилась, личного помощника Александра Борисовича Турецкого, встала из-за стола и пошла к двери.

Было еще рано для посетителей, но ведь никогда заранее не угадаешь, зачем пришел в частное охранно-розыскное агентство утренний проситель. Именно проситель, ибо другие практически не ходят, если только они – не налоговые агенты, не пожарные, не санэпидстанция и не милиция. Последним трем организациям всегда до всего есть дело, даже если оно напрямую их не касается. Но опыт показывает, что любая из этих «контор» наверняка обнаружит какую-нибудь мелочовку, за которую можно наложить «санкции». А можно и не накладывать, – по обоюдному соглашению. Этот бюрократический пережиток социализма свободно и легко перекочевал и в новую общественную формацию, ибо он – по-прежнему живет всех живых. Аля знала об этом и покорно молчала, слушая назойливые и нудные нотации очередного «представителя», обходящего подведомственный район ни свет ни заря чтобы застать на месте ранних руководителей. Позже они обычно бывают слишком заняты и не принимают либо в отъезде.

Высокая и красивая молодая женщина, стоявшая за стеклянной дверью, сразу вызвала у Алевтины... нет, не неприязнь и не отчуждение, а, скорее, серьезное подозрение. Вот уж такие женщины определенно приходят задолго до начала рабочего дня, полагая, что застанут понаравившегося им сыщика пребывающим в гордом одиночестве. И верно, кому охота «гореть» на работе, если он не «трудоголик» или не тайный агент конкурирующей организации?..

И первый же вопрос этой бледной отчего-то, но все же, несомненно, очень привлекательной женщины лет тридцати пяти – самый опасный возраст у возможных конкуренток Алевтины Григорьевны – подтвердил худшие опасения девушки. Бывшей, правда, девушки, но до сих пор незамужней, ибо предметом ее исканий и был как раз тот человек, которым интересовалась эта «фигуристая», по мнению Али, и явно темпераментная посетительница. Она с ходу спросила низким, грудным голосом, так, будто была уверена, что частные сыщики прямо здесь же, в агентстве, и ночуют:

– Александр Борисович Турецкий, простите, на месте?

«Ну, почему обязательно Александр Борисович? – сдерживаясь, занервничала, однако, Аля. – Зачем им всем обязательно необходим Александр Борисович? Что, разве других сыщиков нету?»

– Вы уверены, – не то, чтобы враждебно, но с явным недоброжелательством в голосе, спросила в свою очередь Аля, – что вам нужен именно он?

– Увы, уверена, – с печальным вызовом ответила женщина. – Я – жена Геры Ванюшина. Если Саша уже пришел, доложите ему обо мне. Я звонила ему домой, но Ира ответила, что он уехал на службу.

«Саша?! Ира?! Это что-то новое», – совсем занервничала Алевтина и наморщила свой гладкий, очаровательный, как у всех двадцатипятилетних женщин, которых еще долго будут называть девушками, лобик. Ну, конечно, про эту дамочку так уже не скажешь. Никакого Ванюшина среди близких знакомых Турецкого Аля не числила, а она знала многих, если не всех, за два-то года совместной («И очень близкой», – добавила бы она) работы с шефом. Ведь он сам же фактически и переманил ее сюда из военной прокуратуры. Ну, правда, по совести говоря, Аля могла признаться себе, что из военной прокуратуры она попросту сбежала бы

и так, поскольку прежний ее шеф и сам оставил свою должность старшего следователя ради адвокатуры. Но оставались его не менее пожилые и уважаемые коллеги, которые не прочь были забрать «под себя» прекрасную помощницу. «А вот фиг вам!» – мысленно ответила на все призывные комплименты Алевтина и, не раздумывая, приняла предложение Турецкого.

Впрочем, сам Александр Борисович в скором времени сознался, что уже изначально совершил несколько опрометчивый поступок, не рассчитав своих сил, и в дальнейшем прямо-таки захлебываясь и утопая в стремительных ласках решительной Алевтины. Хорошо, что коллеги относились к их «игривым» внешне ухаживаниям друг за другом с мужским, сдержанным пониманием. Лихой характер бывшего уже теперь первого помощника генерального прокурора и следователя, что называется, от Бога, был им достаточно хорошо известен. Как и его приверженность немногим, но жестким принципам, среди которых имелся и такой, немного, может быть, необычный для мужчин, имеющих семью: «Если женщина нуждается в твоей помощи, не раздумывай, а немедленно помогай, – ибо она – женщина, и этим все сказано». Хороший принцип, сугубо мужской.

А его помощь, знала Аля, могла быть весьма разнообразной, поскольку и таланты еще недавнего «важняка» были многообразны, но, что еще важнее, убедительны. Вот и нужен был глаз да глаз.

Нет, там, где дело касалось Ирины Генриховны, никакого вмешательства ревливой помощницы не требовалось, – там действовали иные законы. А в остальных случаях Але приходилось быть постоянно начеку, иначе все эти очаровательные – надо говорить правду – «посетительницы» запросто могли бы «свести», что называется, «нашего бычка» со двора. Вот и эта, вероятно, из тех же. Естественно, отсюда и соответствующая Алина реакция. И нечего смотреть на нее, как на «врагиню»: каждый защищает свое добро как может.

– Александр Борисович, – сухо заявила она, пропуская даму в дверь, – уже на месте, но он вряд ли сможет в ближайшие часы вас принять. Не желаете ли вы изложить ваше дело мне, а я подскажу, кто из наших сотрудников сможет сегодня оказать вам необходимую помощь?

– Я бы сделала это с удовольствием, но только не сейчас. А вы, пожалуйста, передайте Александру Борисовичу, – уже официальным тоном сказала она, – что совершено покушение на хорошо известного ему Германа Ванюшина, и он находится в краснопольском областном госпитале, в коматозном состоянии. Саша знает, что это такое, ему объяснять не надо. И пусть уж он сам решит, кто сможет оказать мне помощь, хорошо?

Вопрос прозвучал хоть и наивно, но достаточно твердо, – спорить с дамой не приходилось. И Аля, усадив ее на стул у своего стола, отправилась в кабинет директора, где за временным отсутствием Голованова обосновался Турецкий.

Аля вошла без стука, как в собственную комнату. Кабы не посетительница, она и так вошла бы туда, чтобы напомнить «неверному» Сашеньке о его обязанностях перед нею, – пока никого из сотрудников нет. Подобное случалось не часто, однако все же происходило, – к вящему удовольствию обоих: пусть и «на скоростях», зато сколько упоения от ощущения того, что их прекрасное уединение в любой момент может оказаться вмиг грубо нарушенным! Она прекрасно знала, о чем постоянно слышала от него же самого, про свои умопомрачительные ножки, про изящную, гибкую талию, ради которых он готов был, не часто, правда, как хотелось бы, но тем не менее сотворить чудо, – пусть даже и на бегу. Но как же обжигало Алю его учащенное дыхание! Какая оторопь охватывала ее тело от его сильных и жадных объятий! Кто бы понимал... Нет, Сашенька умел показать себя молодцом, не заставляя сомневаться «озабоченную девушку» в его неверности. Это ведь – как тест, как лакмусовая бумажка, – все его похождения стали бы сразу заметны. Но все-таки он – умничка, ни разу пока не подвел Алю в ее постоянных ночных ожиданиях, после которых она просыпалась с воспаленными от страсти глазами, чем вызывала озабоченность родителей, давно мечтавших выдать дочь замуж за приличного человека и поскорее начать нянчить внуков. Аля знала, насколько тщетны их

ожидания, а разводить Сашеньку с его женой не взялась бы и под страхом смертной казни. «Вот такие уж мы – женщины...», – горько повторяла она про себя, глотая невидимые миру слезы вместе с утренней простоквашей.

– Александр Борисович, – сказала она, видя Турецкого, склонившегося над папкой с выписками из уголовного дела, – извините за беспокойство. К вам по личному делу гражданка Ванюшина с известием, что на ее мужа Германа было совершено в Краснополе покушение, и сейчас он в коме. Вы примете ее?

– Кто, Валя?! – с откровенной радостью, так показалось Але, воскликнул он.

– Извините, я не спросила, как ее зовут... – Аля нахмурилась.

– Неважно! – он вскочил и ринулся к дверям, а Алевтина прижалась к дверному косяку – пусть хоть так заденет ее: ведь каждое его прикосновение, даже случайное, доставляло девушке острое наслаждение. Обычно он замечал это, но сейчас едва не оттолкнул ее. – Валенька, милая! – с ходу закричал он. – Что случилось?! Что с Геркой?

Мрачно высунувшись в холл, Аля с внезапной горечью отметила, как эта, вызывающе выглядывшая дамочка тоже вскочила со стула, кинулась к «ее» Сашеньке, обхватила его, как свою собственность, и буквально зарыдала у него на груди. А он, этот негодяй, прижимал ее изо всех сил к своей груди и гладил, гладил по спине, жадно целовал ее в щеки а она...

Нет, наблюдать этот свой позор было просто невыносимо. Душила ревность. Ах, если бы он вот так «свою Аленьку», ну, хоть разок! Какая бессовестная!..

Однако служебный долг вернул опечаленную Алевтину за секретарский стол, она села и стала с сухим и независимым выражением лица ожидать «руководящих» указаний.

Мадам Ванюшина, как немедленно окрестила ее Аля, продолжала громко рыдать, а Турецкий мягко и настойчиво утешать ее – и, что обидно, все больше руками. Уж это он тоже умел, хорошо знала Аля. И ее колотила дрожь, возбужденно раздувались ноздри. Но тут случилось просто невероятное: Турецкий повернул к Але лицо, которое было совершенно спокойно, и сказал ровным голосом:

– Аленька, приготовь нам, пожалуйста, по чашечке кофе.

И так произнес, что у Алевтины вмиг рассеялись все ее опасения, ну надо же! А он отодвинулся от женщины и, обняв ее рукой за плечи и прижимая к себе, заботливо повел в кабинет. И когда Аля вошла в кабинет с подносом, на котором стояли исходившие паром чашки, золотистая турка, сахарница и вазочка с песочным печеньем, за столом уже шел деловой разговор. Глаза у Ванюшиной были заплаканными, но говорила она четко.

– Понимаешь, Саша, чего я боюсь? Мне Катька звонила, ну, моя сестра младшая, у которой он жил последние полтора месяца, чтобы, как я понимаю, избавиться от навязчивых «глаз и ушей». Так вот она мне сегодня ночью звонила и сказала, что расследование, скорее всего, поручат какому-то их мелкому дегенерату, который готов свести все возможные версии только к одной: интимным отношениям ее с Герой и, соответственно мести какого-то неизвестного ей, отверженного претендента на роль любовника. Во всяком случае, идиотские вопросы звучали в таком ключе, что у нее никакого сомнения в его кренинизме не осталось. И ее нежелание отвечать на эти вопросы ужасно того разозлило. Он повысил на нее голос, это на Катьку-то, и сразу схлопотал по физиономии, представляешь? А я-то уж знаю, за Катькой не задержится! Так что теперь и она уже ждет репрессий от этих местных кретинов. Это ее слова! Саша, ну что ж это творится в нашем долбанном государстве?! – и она опять зарыдала, а потом вдруг сказала самое важное в данный момент: – Катька мне заявила, что не собирается дожидаться, когда у них там начнут таскать ее на допросы, донимать подписками о невыезде и позорить перед всем городом. У нее все откладывался отпуск, но теперь она собирается немедленно улететь в Таиланд. Буквально со дня на день.

– Она не через Москву полетит?

– Если тебе надо с ней встретиться, я попрошу.

– Хорошо, попроси, но только имей в виду, что у этих провинциалов, как я вижу, с осознанием законности не все в порядке, могут и подслушать. И крепко нагадить, просто ради собственного удовольствия.

– Ты думаешь? – испугалась Валя.

– Думать никогда не вредно, – дипломатично ушел от прямого ответа Александр Борисович, полагая, что его «предупреждения» хоть и очень красивой, но еще и умной женщине вполне достаточно. – А вот как тебе помочь, об этом я обязательно сегодня подумаю, можешь быть уверена...

Турецкий озабоченно посмотрел Але в глаза и едва заметно подмигнул: вот, мол, чего на свете делается!.. И его теплый взгляд сразу все поставил на свои места в горячем сердце девушки. «Мой! – радостно повторяла про себя она. – Мой, только мой!». Про Ирину Генриховну, законную супругу Александра Борисовича, она в этот освежающий душу момент как-то и не подумала...

– Что будем делать, Сашенька? – негромко спросила Аля, когда Ванюшина, немного, видно, успокоенная и провожаемая Александром Борисовичем до дверей, ушла. А уж как он умел успокаивать женщин, это Аля по себе знала. И снова в ней вспыхнула ревность.

– Пока понятия не имею, – задумчиво ответил он. – Сделай-ка еще кофе! – И, возвращаясь вслед за нею в кабинет, куда она пошла за пустыми чашками и подносом, продолжил: – Я ее очень хорошо понимаю. И Ирку – тоже. Не дай бог женам переживать подобное.

Он вспомнил о своей коме, в которой провалялся долгое время после взрыва во время теракта в детском доме, в котором сильно пострадал сам и потерял друга – бывшего теперь уже директора «Глории» Дениса Грязнова.

– Я тоже понимаю тебя, – мимоходом бросила Аля. – А эта женщина?.. Она тебе... близка? – спросила уже от двери, не оборачиваясь.

Турецкий рассмеялся.

– Алька, ты просто ненормальная! Слушай, а ведь нас с тобой однажды засекут, и позорища мы тогда не оберемся! Поди доказывай, что это был чисто служебный поцелуй!.. Ты хоть иногда думай, пожалуйста, о чем-нибудь другом, а? Между нами, девочками, у меня тоже иногда так свербит, что сил нет никаких, но я же терплю, не выдаю своих... устремлений к тебе, скажем так. Следи за собой, милая, а то у тебя прямо на лице все прочитать можно!

– Тебе легко говорить, – огрызнулась Аля. – Ты – мужчина. И ничего святого...

И вот тут он расхохотался просто по-наглому! Как она удержалась?!

– Алька, тебе действительно надо врачу показаться! Пусть поглядит, что у тебя там, внутри, творится... Ну нельзя же быть такой бессовестно ревнивой! Я разве даю тебе хоть малый повод?

– Пока – нет! – гордо ответила она. – Но – смотри у меня! – и вышла, вызываяще покачивая бедрами, такая зараза!

– М-да... – озабоченно уже произнес Александр Борисович, с восхищением глядя на нее. И, словно нарочно, память подбросила:

«А Валька стала просто чудо, как хороша! Даже беда ее не портит. Вот что счастливый брак с женщиной делает...»

И еще он вспомнил свой естественный вопрос и ее ответ.

«А что, эта твоя сестрица так же хороша, как ты, и по этой причине на нее могут упасть подозрения?»

Даже в горе женщина ею же и остается, она благодарно улыбнулась ему сквозь слезы:

«Куда уж мне до Катки!.. Но я Геру своего знаю, вот в чем дело. Можешь мне верить... А Катюшка – фигура в городе известная, диктором работает на краснопольском телевидении, хвосты поклонников. Понимаешь? И ей такая слава совершенно ни к чему, тут она права...»

Она это таким тоном сказала, что у Турецкого исподволь возникло желание немедленно познакомиться с тем провинциальным чудом. Наверняка ведь – преувеличение, однако, чем черт ни шутит? А размотать такое дело и защитить красавицу – ну, разве не в этом и заключается высший долг мужчины?!

Нехорошо в данном деле было то, что расследование, как он понял из далеко не полного рассказа Вали, поручено следственному управлению Следственного комитета при российской Прокуратуре по Краснополяской области, и появление любого сыщика из Москвы будет встречено местными деятелями с откровенной неприязнью. Отсюда вытекает, что и помогать ему никто не станет, а вот мешать – решительно все. Да и статус у него теперь уже не тот, что прежде. Частное охранно-разыскное агентство, что оно для «гордых» краснополяских «следков»? Вот так он и сказал Вале, а та – снова в слезы. «Ну, хотя бы в частном порядке! Вы же были друзьями!». Были... И не утетишь ведь...

Валя, видел он, заметно изменилась в лучшую сторону. Похорошела, стала статной, достоинство появилось. Обожал подобных женщин Турецкий. Когда-то, еще на заре капитализма, во второй половине девяностых годов, работая уже в Генпрокуратуре под рукой у Меркулова, он даже попробовал приударить за Валюшкой, с которой, как со своей будущей невестой, его познакомил начинающий тогда следователь Герка Ванюшин. Способный был парень. В рот смотрел опытному уже к тому времени Турецкому. А Валя была не то, чтобы очень уж хороша, но в ней виделась ему большая скрытая страсть. И потом она еще называлась «будущей» невестой, а это не одно и то же, что уже состоявшаяся... Рука, помнится, вздрогнула, когда познакомился с ней. Но вовремя одумался. Во-первых, нельзя обижать «маленьких», то есть младших по званию и положению, а во-вторых, он заметил, как ее ищущий взгляд метнулся вслед Гере, который зачем-то выходил из комнаты, и четко обозначилась мысль о том, что ради собственной мгновенной прихоти разбивать чужое возможное счастье все-таки негоже, и остановился. И правильно сделал. Говорили знающие коллеги, что у Ванюшиных в семье царит такое согласие, какого никогда не выдывали. И слава богу...

Потом встречались, и Турецкий, видя Валин проникновенный взгляд, устремленный на него, уже не тешил себя иллюзиями на сей счет: она, конечно, «умела» так смотреть, что в мужчине просыпался бес, однако ни разу не дала повода кому-нибудь из окружающих ее Геркиных коллег заподозрить ее в неверности своему муже. Такая вот семья образовалась, детей только почему-то не было, но и это не препятствие для «простого, человеческого», как говорили тогда, счастья. А они, и в самом деле, наверное, были счастливы вдвоем. Потому, наверное, и компания их безболезненно распалась...

Но, как известно, счастье не имеет, к сожалению, способности длиться вечно. Не сам человек, так обстоятельства обязательно нарушат его спокойное течение. Именно обстоятельства теперь и обрушились на Ванюшиных. Как не так уж давно – и на семью Турецких. И в этом сходстве судеб Александр Борисович вдруг обнаружил, что просьба Вали, почти мольба ее о помощи пала на «взрыхленную почву», и он уже готов был бежать по зову трубы прежнего его служебного долга, когда подобные вопросы: спасать или нет, – вообще не стояли. Только спасать! А как же иначе?

И еще одна мысль «проклюнулась»: «А почему бы, и в самом деле, не взглянуть на ту Катю, до которой Вале, по ее словам, далеко?» Действительно, что мешает? Или Алька с ее неумной подозрительностью? Но когда-то ж все равно придется начинать потихоньку отучать девушку от неразумных страстей. Пока не совсем получалось, видимо, он слишком много эмоций вкладывал в свои одномоментные вспышки страсти к ней, а она верила и ждала чего-то основательного, что ли? Хуже нет обманутых надежд. Хотя Алька, по ее утверждениям, не претендовала на «всего» Турецкого, оставляя что-то и для Ирины Генриховны, – благородство проявляла. Зато уж сама «отрывалась» так, что Александр Борисович временами полагал, будто возвратился-таки в свою невозвратную молодость, с ее поэтическим очарованием

и массой верных подружек. Все они тогда были ему верны, он думал, что и он им – так же. Время рассудило по-своему. Но осталось убеждение, что все в том далеком прошлом были верны друг другу, никто никого не обижал. И нарочитые, с сегодняшней позиции, страсти были искренними...

Он давно обратил внимание, что Алька постоянно смотрит на него умирающими от вождения глазами Дездемоны, которую через минуту должен будет по действию пьесы «Вильяма нашего, Шекспира» задушить ее любимый негр, причем не торжественно, не театрально, а всерьез.

Нет, ну, почему, в самом деле, девушка страдает? Ведь, кажется, Александр Борисович еще ни разу без серьезной причины не отказал ей в ласках. Правда, когда это бывало удобно. Но такие ситуации не могут складываться постоянно, надо же понимать, что люди в «Глории» еще и делами занимаются, и важными делами. Однако заводить разговор на эту тему опасно. Как и молчать, ничего якобы не понимая. Найденный выход «убивал» сразу двух зайцев:

– Аленька, милая, – максимально проникновенным голосом попросил он, – позвони в приемную Меркулова и спроси, не может ли Костя взять трубку? Дело-то сложнее, чем я думал.

И Алевтина с готовностью откликнулась, твердо зная, что тон Сашеньки говорит ей о его полной готовности молча покориться ее страсти. И самодовольно подумала: «А куда он от меня денется?! Хоть миг, а мой! Правильно поют: „есть только миг, за него и держись!“». Уж Аля-то знала, за что держаться...

Константин Дмитриевич, заместитель генерального прокурора, был тоже на своем «рабочем» месте и свободен от назойливых посетителей.

– А чего ему от меня надо, не сказал? – шутливо спросил он у Алевтины, которую, естественно, знал и относился как к дочке. «Глория»-то была отчасти и его детищем, помогал ее организатору и первому директору, своему другу Вячеславу Грязнову, дяде покойного Дениса, создавать это частное агентство. Вот с тех пор и все его сотрудники были ему словно родными, к которым всегда можно обратиться за помощью в розыскной работе, особенно, когда твое неофициальное расследование нельзя выносить на суд общественности.

– Не знаю, Константин Дмитриевич, – вежливо ответила она. – Так я вас соединяю?

– Давай. А ты все расцветаешь? Ох, завидую я твоему будущему супругу!

– Спасибо на ласковом слове... Александр Борисович, возьмите трубочку...

А сама подумала, что дорого бы отдала за то, чтобы пожелание Меркулова сбылось. Уж она ничего бы не пожалела ради любимого Сашеньки... Да только кто ее подвиг оценит?..

– Костя, здравствуй, – услышала она голос Турецкого, и аккуратно прикрыла дверь кабинета.

– Привет-привет, какие проблемы?

– Геркина жена ушла от нас только что. Сам он – в коме.

– То есть как?! Где?

– В Краснополе, надо полагать. Ночью стреляли. Две пули. Одна – полегче, в голову, но, к счастью, по касательной, а вторая, говорит, – плохая, в грудь. Звонила сестрица Валина, она и рассказала ей. А что, у тебя разве еще нет известий об этом происшествии? Неужели стесняются? – в голосе Александра Борисовича прозвучал явный сарказм.

– Перестань, чего ты, в самом деле? Наверное, просто не успели доложить.

– А ты спроси, – Турецкий усмехнулся. – Я смотрю, годы идут, а служба не меняется. Но у меня другой вопрос, могу спросить?

– Конечно, раз уж позвонил... погоди минутку, я сейчас... – Турецкий услышал, как он отдал сердитым голосом распоряжение помощнику. – Давай, слушаю.

– Понимаешь, Костя, Валя настоятельно просит, умоляет, чтобы именно я взялся за срочное расследование. Местные деятели пытаются выстроить свои хамские версии и постараются преуспеть в них, – чтоб потянуть время. Это известный ход. Потом они от своих пустопорож-

них версий откажутся и начнут все заново, что для тебя тоже давно не новость. А вот я сейчас, мягко говоря, на распутье. С одной стороны – частный сыщик, пошлют подальше, и не возразишь. Какие, мол, имею основания для вмешательства в официальное расследование? Каким бы оно ни было дилетантским, или, что хуже, заказным. А с другой, – я ведь ничего не знаю о том, чем там занимался последние недели Герка и за что на него могли взъесться местные «заказчики». Два выстрела, из которых один – в голову, это известный нам с тобой стиль работы. Знакомый почерк. Оружие не найдено, правда, но, возможно, плохо искали. Словом, кроме эмоциональных восклицаний и минимума информации, я ничем толком не обладаю, а потому не уверен, что могу чем-то Вале помочь всерьез. В конце концов, он – твой сотрудник, тебе, думаю, и принимать решение. Но я ведь неплохо знаю Геру, как-никак немало вложил в него, будучи... сам понимаешь. Не советуешь, не стану соваться со своим уставом, поговори с Вале, она обязательно придет к тебе – к кому же еще?

– От тебя-то она чего хочет конкретно?

– Конкретно? Чтобы я назвал преступника. Она мне почему-то верит больше, чем всей твоей Генеральной прокуратуре. А причины я не знаю.

– Ладно дурака валять, не знает он, как же!.. Вы ж с ним одно время, помню, друзьями были?

– Давно было, Костя. Да и не это – главное.

– Я понимаю... – задумчиво пробурчал Меркулов. – Но я в самом деле не имею пока оснований не доверять местным следователям. Опять же и ждать, когда они сядут в галошу, тоже смысла нет... А насчет частного расследования? Что ж, ты вполне имеешь на это право по официальному договору с супругой пострадавшего. Ну а про помощь с моей стороны мог бы и не говорить, будто мы – чужие... Расскажу, конечно, документы кое-какие покажу. Там скверное дело. Бывший местный начальник УБОПа подозревается в организации заказных убийств и прочих противоправных действиях. Кроме того, взяты под стражу несколько, также уже бывших, сотрудников УБОПа. Понимаешь, Саня, там сложилась тяжелая ситуация. По слухам этот сукин сын устроил из области свою вотчину. А еще там какую-то темную роль играет их депутат в Государственной Думе, всячески противодействуя расследованию, – уже несколько запросов прислал. И все бы сходило тому, бывшему, с рук, но он решил подмять под себя очередного крупного бизнесмена, по-моему, пивного босса местного значения, а тот не согласился делиться. Короче говоря, состоялось покушение, в ноябре, но тот малый остался жив, и тогда его «достали» уже в клинике. Наглые действия всплыли, началось расследование. Точнее, областная прокуратура вынуждена была начать его по заявлению жены потерпевшего бизнесмена в Генеральную прокуратуру. Герман и выехал туда... А теперь вот и – его. Да, конечно, это – работа киллера по «заказу», двух мнений быть не может. И, разумеется, если бы я мог, то только тебе и поручил бы новое расследование, но... Разве что попросить заняться в частном порядке? С соответствующими полномочиями? Надо бы с генеральным переговорить, как-никак пострадал наш сотрудник... Да и ты нам не чужой, а лишних людей у меня сейчас просто нет. И не намечается. Все теперь в адвокатуру хотят, денежное дело...

– Ну и что предпринимать будем? Скажем Вале, что дело пущено на самотек? Слушай, Костя, а тебе не кажется, что у Генеральной прокуратуры уже набирается солидный опыт, ссылаясь на всякого рода причины, предоставлять даже собственным пострадавшим сотрудникам возможность, или необходимость, самим разбираться со своими проблемами? Красивая такая нейтральная позиция обозначилась. Мол, в следующий раз пусть они заранее размышляют, подставлять им свои головы под пули или не стоит. Ничего не напоминает?

– Ну, ты – язва, Саня, – спокойноотреагировал Меркулов, как бы предоставляя своим тоном Турецкому право самому спокойно оценить ту ситуацию, в которой оказался, после чего и был уволен из прокуратуры по состоянию здоровья.

Неприятная это была, конечно, для Меркулова тема, ибо обида Турецкого имела под собой твердую почву: старший друг дал слабину, не отстоял перед тем же генеральным, которому строптивый помощник, по-видимому, уже к тому времени порядком надоел. Но ведь Турецкий и сам не стремился в помощники, может, переделал захотел его генеральный прокурор? Только вряд ли, зато прокуратура лишилась опытного следователя, который, вопреки установившимся «обычаям», не имел в своем багаже нераскрытых дел. Генеральная потеряла, а «Глория» приобрела. Александр Борисович и не собирался пока возвращаться на старую службу, хотя ситуация в известном желтом здании на Большой Дмитровке изменилась, и тот же Костя настойчиво звал его обратно. Но удостоверением «важняка», которое ему оставили, учитывая его многолетние заслуги перед обществом и законом, Турецкому козырять при острой необходимости приходилось. И такая необходимость в частном розыске возникала довольно часто. К сожалению, многие ответственные чиновники привычно доверяют только «важной ксиве», а не разумным аргументам.

А по поводу «соответствующих полномочий» Меркулов заметил, имея в виду, что и сам неоднократно разрешал другу Сане ссылаться на свое скорое возвращение в Генеральную прокуратуру, на прежнюю должность помощника генерального прокурора. И это доверительным тоном высказанное известие нередко приводило в трепет тех же чиновников, усматривающих в работе следователя под «крышей» частного охранного агентства особую хитрость этих «москвичей».

– Короче говоря, – сказал, словно собирался завершить разговор, Меркулов, – будешь расследовать в частном порядке, покажу Герины документы. Ну, те, по покушению и затем убийству, с которыми он выехал в командировку. «Крышу» я постараюсь отчасти обеспечить, но тебе все равно придется сдерживать себя и не злоупотреблять полномочиями. Это то, на что ты можешь рассчитывать с моей стороны. А если генеральный упрется, заявит: пусть, мол, сперва вернется, тогда и решим, – тут я бессилен. Придется нагружать кого-то из своих сотрудников. Скверно это все...

– Да уж чего хорошего... Не знаю, за какие «бабки» работать. Опять благотворительность, будь она уже неладна. Это, между прочим, наша зарплата, Костя. И моя, и всех остальных. А откуда у Валентины деньги, чтоб оплачивать труд сыщиков? Сам же говоришь, что дело скверное, значит, и следствие может затянуться надолго. И отказаться совесть не позволяет. А Генеральную прокуратуру, как я понимаю, совесть не мучает... вот то-то и оно...

– Ну, ты не преувеличивай, – сердито отозвался Меркулов и замолчал, потому что и сам знал, что Саня тоже, по-своему, прав. Абы кого не пошлешь, будет вместо расследования смотреть в рот краснопольскому руководству, – нынче ведь все можно заказать, вплоть до заранее заготовленных выводов и эксперта, и следователя. А чтобы официально послать частного сыщика, которому можно довериться полностью – и только на этом основании, – значит, надо изыскивать дополнительные средства. Но, в конце концов, совершено покушение на жизнь собственного сотрудника. И это не каждый день происходит.

Да, очень многое изменилось в жизни с тех пор, когда Меркулов сам работал обычным следователем, причем, изменилось далеко не в лучшую сторону. Впрочем, и раньше была «заказуха», но только чаще государственная, а теперь? Сегодня любые споры решаются кардинально, с помощью контрольного выстрела. Абсурд, казалось бы, а ведь уже свыклись...

Но вопрос с Саней тем не менее придется решать здесь, в прокуратуре. А средства? Что ж, проводятся ведь и срочные спецрасследования, вот и... Генеральный должен согласиться, что защита собственного сотрудника – тоже дело чрезвычайно важное. А то ведь иначе и народ поймет неправильно, и станет, в самом деле, размышлять: стоит ему рисковать или не стоит? Вот и добавится количество «заказных» расследований...

– Ты сейчас у себя будешь? – спросил Меркулов. – Или, может, ко мне завернешь? Материалы покажу. А сам пока договорюсь с генеральным, я думаю, он должен понять. Тем более что он все еще надеется, что ты изменишь свое решение относительно... ну, сам понимаешь.

– Костя, у тебя – явное раздвоение личности. Или у твоего генерального. Разве это я отказался от своей работы? Это вы общими усилиями, грубо говоря, меня выперли за дверь. А теперь жалеете, что ли? Так мне здесь лучше, чем у вас. И Ирка довольна, риску, говорит, поубавилось. Частный сыщик ведь не помчится в пекло, сломя голову, он сперва все просчитает, продумает. А у вас – приказ и «время пошло». Я здесь отдыхаю от вас.

– Ну, милый мой, получается так, что именно мы и создали тебе идеальные условия для работы. А ты все недоволен. Зажрался ты, Санечка, дорогой мой.

– Не возражаю, есть маленько, – Турецкий засмеялся, но тут же стал серьезным. – Исходя из сказанного, я мог бы предположить, что Валентина может не беспокоиться по поводу того, из каких средств оплачивать работу сотрудников «Глории»? Я не уверен, что мне не придется обращаться за помощью к своим коллегам, особенно, если как ты говоришь, из этого долбанного Краснополя кое-кто давно уже устроил себе вотчину и решает «наболевшие вопросы» с помощью контрольного выстрела. А потом, в конце концов, Гера не только чей-то муж, но еще и старший следователь по особо важным делам из Генеральной прокуратуры. Так что не жмись, Костя, раз сами ничего не можете, а частные сыщики – народ небогатый и хлеб свой зарабатывает потом и кровью.

– Да ладно тебе, – пробурчал Меркулов. – Не ораторствуй и не прибедряйся, не на хлебе едином сидите, еще и икоркой намазываете.

– Все, Костя! Это была последняя капля, – снова рассмеялся Турецкий.

Не так давно, ранней осенью, сотрудник «Глории» Филипп Агеев завершил дело, связанное с угрозой покушения на одного крупного бизнесмена, владельца нескольких рыбозаводов. Пугающий его идиот был быстро обнаружен и пойман: оказался собственным сотрудником, предпринявшим этот примитивный шантаж по соображениям личной обиды на хозяина предприятия. И хозяин, в благодарность за скорую и качественную помощь, помимо оговоренной суммы вручил Филе большую банку черной икры, половину которой Агеев, естественно, принес в агентство, чтобы побаловать товарищей, уже забывших вкус этого деликатеса. А они интеллигентно лопали и вспоминали, что ведь еще относительно недавно эта самая икра стояла в серебряных судках в рыбных отделах магазинов по всей стране. И еще – бутерброды с черной икрой во всех вокзальных буфетах. Как и крабы в банках, и многое другое. Как дешевая вяленая вобла – под пиво. Или колбаса, которую тогда можно было есть без опасения за свое здоровье. И даже собаки с кошками ею не брезговали...

Алевтина подобные воспоминания «пожилых» мужчин попросту не понимала, это ведь было, хоть и незадолго, но все же до ее жизни.

И надо же было случиться, что, когда сыщики уселись за стол, чтобы «продегустировать» прочно забытую продукцию, в агентство по собственной инициативе завернул Меркулов. Просто ехал мимо и заглянул «на огонек». Так он сказал, во всяком случае. Но никто не поверил, потому что у Кости была редкостная интуиция. Его удивлению тоже не было предела: сидят, понимаешь, знакомые все люди, попивают коньячок и закусывают черной икрой! Это ли не прямое свидетельство того, что «Глория» зажралась?! Переубедить его так и не смогли, да, в общем-то, и не сильно старались, пускай большие начальники завидуют!..

– Больше ты икры не получишь, – подвел итог своим воспоминаниям Турецкий. – И не проси. Знали б о твоей завистливой натуре, убрали б со стола еще до твоего приезда.

– Да ладно вам, – миролюбиво отозвался Меркулов. – Шутки разучился понимать? Так ты давай, подъезжай, а Валентине я лично объясню ситуацию. Конечно, это наше прямое дело, но бывают обстоятельства, когда и к частному сыску прибегать приходится...

– А вот на бедность свою и не думай ссылаться, – перебил Турецкий. – Тебя в этой ситуации не поймут. Никто, ни мы и не она.

Александр Борисович положил трубку и вышел в приемную. Аля посмотрела на него с вопросительным ожиданием.

– Еду в Генеральную, посмотрю материалы по Краснополю. Севе скажи, обязательно вернусь, и мы закроем с ним вопрос, который обсуждали вчера вечером.

– А какой вопрос?

Было бы естественно так спросить для посторонней девушки, но не для «ответственного работника» ЧОП «Глория», на что Александр Борисович немедленно указал Алевтине, и та покраснела. А он тут же нервно подумал: уж не перебрал ли со своими нравоучениями? Женщина, особенно такая вот, юная, – существо хрупкое, ранимое, и обращения оно к себе требует бережного. То есть постоянно бережного, а не от случая к случаю. Впрочем, надо отдать Альке должное: внешняя хрупкость у нее сочеталась с необыкновенной физической выносливостью и радующей душу фантазией. Так что, по правде говоря, он с наслаждением взял бы ее в свою командировку в качестве помощницы. Хотя бы для постоянной релаксации. Но немедленно оборвал свои мечты: уж чем-чем мог он рисковать, но только не ее здоровьем и жизнью, – вот это уже последнее дело. А что риск там предстоит, причем серьезный и острый, в этом он не сомневался. Подобные дела редко обходятся без потерь. И одна уже есть, это – Гера Ванюшин, казалось, еще вчера – способный ученик, а теперь и сам «важняк». Выжил бы только: кома – вещь непредсказуемая.

Глава третья

Сестры

Катя прилетела следующим утром. Валентина позвонила Турецкому на службу и сообщила об этом. Оказалось, что в Краснополе разыгрался спектакль доподлинного абсурда, основой которого были события драматические.

Еще накануне Катя рассказала своему шефу о ночном происшествии, но главным образом о хамских предположениях наглого «пинкертон» и своей непосредственной реакции. Шеф в отличие от нее серьезно оценил ситуацию: он был в курсе начатого в городе расследования «громкого» убийства Неделина, а над предположением следователя хотя и расхохотался, настолько оно было нелепым, но и задумался о возможных последствиях. Он посоветовал Катерине немедленно принять меры, чтобы заранее обезопасить себя от всякого рода наветов и сплетен, обвинений и прочего. И тут же предусмотрительно подписал приказ о ее отпуске – со вчерашнего дня. С чем девушка и улетела в Москву, никого не предупредив из подруг, как прежде обычно делала.

Впрочем, за своих коллег на телевидении она не беспокоилась, да и шеф пообещал при первой же возможности публично «дать наотмашь» всяким фантазерам из прокуратуры.

Естественно, что Турецкий немедленно помчался к Ванюшиным, на Ленинский проспект, вызвав в душе своей верной помощницы очередную бурю эмоций. «Вот так, – убеждала себя Аля, – готов за первой же юбкой – хоть на край света! А говорит-то как?! Как уверяет в своей преданности?!» И без конца повторяла про себя чужую горькую фразу: «Все мужики подлецы, им бы своего добиться, им лишь бы цветочек сорвать...»

Катя, что сразу понял Александр Борисович, действительно стоила, выражаясь «культурным языком», мессы в Париже. Совершенно очаровательная молодая женщина, в меру рыжеватая, с милейшими веснушками на курносом обаятельном лице, – типичная среднерусская красавица из прошлых еще времен. Теперь понятно, почему на своем телевидении она пользуется такой широкой популярностью. Улыбка ее завораживала, а серьезное выражение, появлявшееся на лице, делало Катю комически строгой: ну, кто поверит, что эта кошечка действительно так уж строга с симпатичными мужчинами? Словом, как говорится, нет слов. Но по сравнению со старшей сестрой она тем не менее проигрывала: Валя казалась неприступной и потому более желанной.

Турецкий все равно растаял. Он успел заметить, что не вызвал у младшей сестры ни подозрения, ни, что было бы гораздо хуже, неприятия. Зато убедился, что Валя, называя себя слабым подобием младшей сестрицы, попросту лукавила, может быть, для того, чтобы посильнее заинтриговать его этим делом, представив Турецкому свою сестру в качестве некоей награды «за смелость». Слабым ветерком просквозило в душе Александра Борисовича мгновенное воспоминание о ревнивой Алевтине, – появилось и растаяло. Само собой понятно, что от него требовалось, помимо расследования покушения, еще и защитить Катю от любых нападков дураков! Вот прямо сейчас же, не отходя, что называется, от стола, который накрывала к чаю Валентина, бросая на него такие взгляды, от которых у него мурашки бежали по спине. Взгляды-ожидания, взгляды-обещания, – это, что ли, черт возьми!.. И еще – взгляды-предостережения. Такая вот богатая гамма чувств.

Но ощущения ощущениями, а о деле никогда не забывал Турецкий. И он попросил Катю рассказать максимально подробно обо всей этой истории в Краснополе, поскольку из докладных Германа Ванюшина в Генеральную прокуратуру на имя Меркулова, которые накануне дал ему для ознакомления Костя, уже имел представление, правда, слишком общее, о том, что происходит в городе. Гера знал, конечно, больше, чем сообщал в Москву, и именно этих зна-

ний не хватало Турецкому, чтобы определить для себя хотя бы предварительные подходы к расследованию, которое, без всякого сомнения, придется начинать заново, ибо сам Ванюшин в ближайшее время ничем не сможет помочь. А что придется работать по полной программе, в этом он не сомневался. Иначе в Геру бы не стреляли, а просто «хорошо» предупредили, и никаких контрольных выстрелов тоже не прозвучало бы в ночной тишине.

Рассказ Кати основывался не на ее собственных знаниях вопроса, а, скорее, на тех сведениях, точнее, фактах, в которые ее посвятил сам Гера.

Во-первых, что было немаловажно, наблюдение за собой он обнаружил едва ли не на следующий день после своего приезда в город. Еще в конце осени это было. Но сказал он об этих «хвостах» только Кате, у которой и остановился, чтобы избавиться от гостиничных подглядываний и «прослушек». По собственному опыту он давно знал, что без предварительной тщательной проверки с помощью специальной аппаратуры ни в одной гостинице гостю из Москвы «открывать рот» вообще категорически не рекомендуется. А в данном случае еще у вагона, на перроне вокзала, его стали настойчиво убеждать поселиться в лучшем отеле города, где ему будут обеспечены в буквальном смысле все необходимые условия для приятного проживания, ибо все от него ожидали решительных и скорых действий. Произносимые пассажи казались бы издевательскими, если бы не предельно серьезные выражения лиц встречающих коллег. Что они, эти работники областной прокуратуры, имели в виду, Герман, конечно, догадывался. И тем вернее был его отказ в пользу родственницы, проживавшей в Краснополе. Они поскущели: очевидно, наказ руководства был жестким, а они не справились уже с первым заданием.

Но это были в самом деле только первые шаги местных лиц, «кровно заинтересованных» в установлении истины. И немного позже, но в тот же день, ему, отказавшемуся якобы от прямого сотрудничества с властью, «подбросили» многозначительный «подарок».

Когда Ванюшин поставил местных деятелей в известность, что желает прямо сейчас же, не заезжая к родственникам, встретиться и переговорить, если это возможно, с пострадавшим Неделиным, с его желанием согласились, правда, неохотно. Стали звонить в городской госпиталь, где лежал в отдельной, разумеется, палате пострадавший от взрыва бомбы, прикрепленной к днищу его автомобиля, «пивной король» – все его так прямо и называли, словно в насмешку, – и выяснять, сможет ли тот принять сегодня у себя следователя, прилетевшего из Москвы? Выясняли долго и пространно: то главного врача не было на месте, то лечащего врача, то дежурной медсестры, то руководителя службы безопасности, обеспечивающего охрану своего шефа. Но, наконец, получили разрешение, хотя, в чем состояла трудность, Герман так и не узнал, не понял. Да, состояние «короля» было средней тяжести, но он оставался в сознании и оказался способным отвечать на вопросы следователя без угрозы для своей жизни. Короче говоря, пока торговались да выясняли, случилось непоправимое. Каким-то таинственным образом, минуя охранника, как позже выяснилось, «отошедшего» на одну минутку в туалет, в палату проник киллер. Он и застрелил бизнесмена Неделина из пистолета с глушителем, который, верный своему «творческому призванию», убийца там и оставил, лежащим сверху, на одеяле покойника. Естественно, что «работал» киллер в перчатках, пальцевых отпечатков, да и никаких иных следов после себя не оставил, а оружие было признано экспертами «незасвеченным». Это было Ванюшину, прибывшему сюда со своим, никому не нужным расследованием, серьезным предупреждением. Вдова же ведь не требует установления истины! Да и зачем ей? Как говорят в предгорьях Кавказа, когда серьезные мужчины беседу ведут, женщине нечего среди них делать. Ей оставлено покойным мужем достаточно денег для безбедного существования! А всем остальным занимается местная прокуратура. Зачем ей московские «варяги»?

Вот таково было мнение многих из тех, с кем позже привелось встречаться московскому следователю. И это уже были не намеки, а прямые предупреждения: не суй ты нос в это дело! А он продолжал расследование. Опрашивал свидетелей взрыва, охрану, пропустившую убийцу в палату, просматривал и изучал документы, касавшиеся производственной деятельности пред-

приятий, принадлежавших Неделину. Короче, надоел всем своим выверенным занудством. И вот – новый результат...

Случайные свидетели говорили, что стрелков было двое, и они уехали на машине, стоящей снаружи арки ворот – наготове, другими словами. То есть покушение на Ванюшина было организовано по всем правилам киллерского искусства. Вот только с оружием оплошали, может быть, хотели действительно перевести стрелку со служебной деятельности следователя на какую-нибудь бытовщину, типа мести влюбленного в Катерину неудачника из «новых русских». И пока, получается, именно на эту версию и «клюнул» следователь прокуратуры. Или ему она была предложена вышестоящим начальством? Но, так или иначе, а разыграл Нарышкин эту версию, как по нотам: уверенно и нагло. Такая вот вчера история приключилась...

А сегодня, совсем, можно сказать, недавно, два часа назад, Валентина звонила матери в Краснополь и поинтересовалась, как в городе развиваются дальнейшие события. Услышанное воистину потрясло ее, о чем она и рассказала Катьке, сидевшей рядом с ней во время телефонного разговора.

Утром Ксении Александровне позвонил следователь прокуратуры, как он представился, и не попросил, а потребовал позвать к телефону гражданку Молчанову Екатерину Андреевну. Мать, уже предупрежденная Катей, знала, что отвечать. Нет дома, а куда ушла спозаранку, не доложила. Следователь все тем же требовательным тоном велел передать Екатерине Андреевне, что она должна сегодня до двенадцати дня, если не желает служебных неприятностей, явиться в прокуратуру для допроса в качестве свидетельницы по делу о причинении тяжкого вреда здоровью гражданина Ванюшина. В случае ее отказа, по отношению к ней будут приняты санкции. И мать покорно согласилась передать: как только, так сразу. А сама тут же перезвонила на Катин мобильный. Дочь находилась в кабинете главного редактора программы и ответила, что ею уже предприняты встречные меры. После чего на машине шефа она вернулась домой за собранным с вечера чемоданом, а оттуда – прямо в аэропорт. Так и получалось, что при всем желании Ксения Александровна, находившаяся в момент отъезда дочери в отпуск, в соседнем с домом магазине, ничего передать ей не смогла, не успела. А если им надо, то пусть сами ее ищут и сообщают. И где она остановится в Москве, тоже неизвестно. Вряд ли у сестры, поскольку та собралась уже лететь сюда, к мужу. Возможно, у кого-нибудь из московских друзей.

Следователь позже перезвонил, узнал об отъезде Екатерины Андреевны и был страшно недоволен, прямо-таки обескуражен. Он снова пообещал Ксении Александровне, что применит какие-то свои санкции, но все это было, очевидно, очередной «страшилкой», поскольку никто у Кати подписки о невыезде не требовал. Значит, они сами оказались дураками. И уж этого шеф пообещал им не спускать, пусть только позвонят к нему, он им в ближайших же вечерних новостях преподнесет нежелательный сюрприз. Распоясались, понимаешь, законники...

Турецкому рано было высказывать какие-то собственные предположения, ему требовалось хотя бы взглянуть в глаза этому Нарышкину, и, значит, надо срочно лететь в Краснополь, не откладывая дела в долгий ящик. А делать этого страшно не хотелось, будто он что-то важное упускал в своей жизни. Впрочем, он уже знал, что именно. Валя, как он видел, была недоступна, а вот Катя его просто очаровала. Да и сама она, видя внимание, с которым ее слушал Александр Борисович и мягко задавал свои вопросы, не выходящие за рамки «светского» приличия, словно бы проникалась к нему доверием и оттого становилась все обворожительней. Голова у Турецкого шла кругом, но он сумел сообразить, что флирт, каким бы опасным он ни казался, флиртом и остается. И чтобы не оказаться в дураках, иной раз надо просто снизить накал интимности, перевести нарастающее напряжение в шутку. Это проявилась в нем не трусость, а твердая уверенность, что подобных женщин стремительным натиском не завоевывают, и что битва за нее, если он когда-нибудь решится, будет длительной и даже с непредсказуемым

финалом. Поэтому лучше все оставить в том положении, в котором они теперь находились. Тем более что и Валентина, как успел отметить про себя Александр Борисович, посматривала на них уже с некоторой удивленной ревностью. И это был не самый лучший вариант в том случае, если бы Саша, как звала его по старой памяти Валентина, решился бы продолжить свое наступление, даже не форсируя событий.

Но еще он понял, что Катя, судя по стремительным огонькам, посверкивающим в ее темных глазах, была бы вовсе не прочь познакомиться поближе со старым знакомым семьи Ванюшиных. Интонации ее волшебного голоса, – профессионально поставленного, разумеется, – слышал он, становились все более глубокими и страстными. Это показалось бы в иной ситуации просто странным, но он будто влюблялся в ее голос, который его попросту завораживал.

Нечто подобное, между прочим, он, не так и давно было дело, уже испытывал. В Новороссийске это случилось, куда он сбежал после серьезной ссоры с женой, и где познакомился с доктором-кардиологом, прелестной дамой, лечившей его тетку. И там тоже поводом для сумасшедшей влюбленности оказался совершенно, надо сказать, волшебный голос не менее обаятельной, чем Катерина, женщины. Но та, которую звали Линой, проявила настоящую мудрость, сумев объяснить буквально очумевшему от любви к ней Саше, что ничего путного, кроме именно мимолетной влюбленности, у них не получится. Она была замужем за моряком дальнего плавания, которого не любила, а про Сашины жену и дочь она слышала от него же самого. Так вот и расстались, бесконечно влюбленными друг в друга, одномоментно счастливыми, и каждый покорно унося в душе свою неутоленную тоску...

Для Александра тот случай был жестоким испытанием воли и нервов, и он мысленно дал себе слово больше не повторять подобных «экспериментов» над самим собой. Ну и над женщинами – тоже. Разве им легче?.. Но как раз слово-то дать себе гораздо легче, чем устоять перед подлинной красотой. А тут был именно тот самый случай. И даже «проснувшееся» воспоминание о Новороссийске не успокаивало разыгравшегося воображения. Останавливал лишь тот факт, о котором между делом сказала Катя, что она, несмотря на сердечную любовь к старшей сестре и оставленной в Краснополе матери, задерживаться в Москве не собирается. У нее со дня на день уже назначен отлет в Таиланд, где она и собирается провести целый месяц, ни о чем не думая и занимаясь исключительно собственной релаксацией. Устала, чертовски устала от проклятой и любимой работы. Уже бредовые видения стали появляться.

Валентина на этот «пассаж» предположила, в свою очередь, что Катька просто одурела от одиночества, и ей давно пора подумать о толковом муже. Но только не краснопольском, где никогда никого порядочного не было – либо «зацикленные» на своих «мужских качествах» тупые джигиты, либо дельцы полубандитского пошиба. А возраст уже не тот, чтобы, как говорится, начинать всю жизнь сначала. Катя ведь уже «сбегала» однажды, по ее выражению, замуж, но вовремя опомнилась.

Да, тут Турецкий, если бы он не нес на плечах определенных обязательств перед собственной семьей, и мог сделать решительный шаг навстречу. С полным пониманием и огромной охотой. Но...

Правда, ему показалось... ну да, именно показалось, конечно, что Валентина в какой-то момент разговора с Катей подала ему знак, поощряющий его интерес к ее младшей сестре. Будто намекала одним взглядом: не теряйся, мол, не все так неприступно, как тебе кажется... Нет, наверняка показалось. Уж кто другой не знал бы, а Валентина-то была в курсе семейного положения Саши, когда сама только собиралась замуж за Ванюшина. Ну и что, тут же возникло возражение, мало ли что ей известно? Может, также знает и о том, что в семье Турецкого постоянные нелады? А тут родная сестра не пристроена! Недаром же, наверное, заметила, что сама она никакого сравнения с младшей сестричкой не выдерживает. Но тут она явно лукавила – выдерживает, да еще как! Настоящей стала женщиной, в самом соку. А может, это ее способ обратить его внимание на себя? Черт возьми, совсем запутался... Мысли не о том. А о чем?

Катя, без слов, очень хороша, но главный вопрос дня – все-таки Гера, вот на этом и должны быть сосредоточены сейчас главные мысли и действия. А разбираться, скажем, в деле того же Неделина Турецкий вовсе не желал, ну, разве что постольку, поскольку оно пересекалось с делом о покушении на Ванюшина, не более. Поэтому, отвечая на вопрос Вали, собиравшейся не позже завтрашнего дня вылететь в Краснополь, как себя вести с представителями городской администрации, которая, конечно же, станет высказывать свои сожаления, сказал следующее.

Избежать контактов не удастся, как и выслушивать их фальшивые сожаления и оправдания – тоже. Относиться к этому надо спокойно и якобы с пониманием, чтобы не вызывать у них подозрения о каких-то своих предпринятых кардинальных решениях. Можно только сказать, что жена обратилась в частное охранно-разыскное агентство, где работают некоторые бывшие сослуживцы мужа, и они пообещали помочь ей установить истину. Поскольку Генеральная прокуратура ничего толком расследовать не может. Ничего страшного, наверх будет немедленно доложено, а особых оправданий здесь не потребуется: объясним, мол, что нами предпринят такой тактический прием. Но вот кто конкретно станет заниматься расследованиями у них в городе, этого они пока знать не должны. Вопрос о помощи решался с руководством агентства, а не с конкретными сотрудниками. Кто приедет, тот сам и представится. И ничего серьезного о сестре и ее роли. Звонила, рассказала о каком-то наглом сопляке из прокуратуры и улетела куда-то отдыхать: достали – вот основная причина. Буквально этими словами – пусть попрыгают. Зато уже заранее в городе, для дальнейшего оперирования фактами первоначального расследования можно будет при нужде спокойно задаваться вопросами: «Интересно, кто тот сопляк? Какой сопляк? Ах, этот?! Ну, тогда с вами все понятно...» Очень полезно кое-кому бывает услышать о себе постороннее, непредвзятое мнение.

Катю, как и Валентину, понемногу отпускало напряжение, они заметно расслабились, и это обстоятельство уже само по себе говорило об успехе миссии Турецкого, попытавшегося внести в семью Ванюшиных, или Молчановых, как угодно, спокойствие и уверенность, что дело закончится не самым худшим вариантом.

Как говорится, и горько, и смешно. Но почему же странный вроде бы намек Валентины никак не выходил из головы? Вот этот вопрос не давал Турецкому покоя. И был момент, когда ему снова показалось, что теперь уже и Катя, со своей обостренной женской интуицией, проникла в его тайные мысли и даже как бы отнеслась к ним с сочувствием и пониманием. Но не с абстрактным пониманием, а так, будто хотела бы поощрить его усилия. Нет, в самом деле, разве женщина должна делать первый шаг навстречу? Турецкий прекрасно знал, что это – прерогатива мужчины. С нетерпеливым и трепетным ожиданием добиваться согласия, либо же – не менее впечатляющей оплеухи. Значит, что, вперед? Нет, боязно. А боязно было оттого, что его непрошенная, незванная активность могла бы показаться этим прекрасным женщинам неуместной, да и просто неприличной, и тогда наверняка рухнуло бы хрупкое, установленное с ними доверие.

Завершая долгий разговор, Александр убедил их, что уже завтра, по всей вероятности, вылетит в командировку, но контакт с Валентиной, которая также собиралась лететь тем же самолетом, установит не сразу, сперва осмотрится в городе, в котором в последний раз был черт-те когда. А остановится он в какой-нибудь скромной гостинице, и разыскивать его не надо, сам появится, когда будет нужда. Затем он записал все необходимые номера телефонов для возможных контактов, в том числе и на телевидении, и решил уже попрощаться. Но Валентина неожиданно огорчилась: целый вечер провели в рассуждениях, и только по чашке чая выпили. А там ужин готов! Неужели откажется? И столько откровенного сожаления и, что важнее, скрытого соблазна прозвучало в ее словах, что Александру стало трудно отказываться. Оставалось немедленно и с энтузиазмом отложить свой уход.

Катя захотела немного выпить, сказывалось напряжение ее последних дней. Турецкий готов был поддержать компанию, не желая и вспоминать о том, что он – за рулем. А за столом как-то сама по себе возникла совсем другая тема. Катя поглядывала на гостя с теплой усмешкой и вдруг спросила:

– Это правда, Саша, что ты... – Они еще в начале беседы перешли на «ты» с легкой руки Валентины. – Что ты когда-то здорово приударял за Валькой?

Нет, ехидства в вопросе не слышалось, скорее любопытство и, похоже, скрытая зависть к более «удачливой» сестрице. Хотя сейчас язык не поворачивался называть ее так – в ее-то нынешнем положении.

– Увы, было дело, – серьезно ответил он, с улыбкой поглядывая на хозяйку дома. – Она уже тогда была просто удивительной женщиной. Ну, девушкой, я имею в виду... То есть еще не женой, и даже не невестой в общепринятом смысле. Герка только еще собирался предложить ей стать его невестой. И мы, помню, горячо обсуждали этот сокровенный для него вопрос.

– И что же было в ней такого удивительного? – тоже улыбаясь, продолжила Катя.

– Валюш, извини, что мы о тебе словно бы в третьем лице разговариваем... А дело, Катюшенька, в том, что она уже тогда была чертовски хороша, просто прекрасна, как, впрочем, и сегодня. Только тогда красота ее казалась хрупкой, трогательной, а сейчас Валя заматерела, так сказать, превратилась в шикарную женщину. Но уже и тогда у нее совершенно отчетливо проявилось потрясающее умение видеть людей насквозь. Все их мысли, чувства там, и прочее. Ей нельзя было врать, это я понял буквально с первых же наших разговоров. Именно это меня и покорило, хотя... – он замолчал.

– Хотя ты был уже не первый год женат, – с легким смешком закончила за него Валентина. И, тоже помолчав немного, продолжила с легкой грустью теплого воспоминания: – А я ведь все замечала. И взгляды твои, и даже, как у тебя учащенно колотилось сердце, ощущала, представляешь? Ах, если б ты был тогда свободен, Сашка!..

– Но ведь Гера тоже был в ту пору... – начал, словно оправдываясь, Турецкий, но Валя его снова перебила:

– Гера всегда был одинаков. Он и сегодня такой же, как десять лет назад, дай бог, чтоб и дальше таким же оставался... – Она вздохнула. – А ты – совсем другой. Я, помню, Катке, маленькой еще, говорила: вот бы мне такого мужа! Век бы горя за ним не знала... Ты помнишь, Катюша?

– Еще бы! – засмеялась Катерина и посмотрела Турецкому в глаза: – еще как помню! А когда Валька сказала вчера, что собралась встретиться с тобой, чтобы упросить заняться этим делом, у меня будто что-то екнуло внутри: дай, думаю, увижу, наконец, того самого, мифического, о котором, между прочим, в силу своей профессии, немало слышала разных мнений.

– Сплетни-то? – усмехнулся Турецкий.

– Зачем? Не только, хотя хватает всякого. Но главным образом про то, что «некий Турок», если уж за что берется, всегда доводит дело до конца. А за это его и терпеть не могут, и даже ненавидят те, кто попадают в сферу его внимания. Скажешь, неправда? – она хитро уставилась на него.

– Вопрос, однако... – Турецкий постарался придать своей усмешке загадочный вид.

– А еще рассказывают о том, что он просто жуткий бабник.

Вот тут Александр снисходительно пожал плечами и даже покорно руками развел: мол, ничего не поделаешь, куда против правды?

– Но это не все. Говорят, что и женщины от него без ума. А что, это действительно так? Или завистники врут? Цену набивают? Но зачем? Или это он сам такие слухи о себе распускает? Вон, сколько вопросов сразу! Ну, интересно, что скажешь?

И только теперь Александр смутился, чем вызвал невероятно веселую реакцию у обеих женщин, кажется, отстранившихся, наконец, от общей своей беды.

– Что, слабо ответить? – продолжала настаивать Катя, но без сарказма или иронии, а по-прежнему шутливо. – Ты же, говорят, всегда очень храбрый с женщинами?

И он сдался.

– Слушайте, девочки, если я вам скажу сейчас правду, вы же мне не поверите. Тогда зачем она вам?

– А чтоб все-таки узнать твою правду. Разве уже одного этого мало? – с вызовом парировала Катя.

– Правду, говоришь?.. Ну, пожалуйста, мне не жалко ради хороших людей... Знаете, наверное, я все-таки храбрый и, вероятно, решительный, только с теми, кто сам того сильно желает, и я это вижу. А так?.. Скорее, нет. Вот тебе, например, Катюша, я бы ни за что не признался, что с первой же минуты, как увидел, влюбился в тебя. И тут же испугался. Потому что не смог бы ответить себе на простой вопрос: а что дальше? В самом деле, а что дальше? Понимаете, девчонки, получается так, что чем желаннее тебе женщина, чем прекраснее она кажется тебе, тем труднее ей признаться в своих чувствах. Потому что, зная себе истинную цену, она никогда не поверит тебе. Цену, я имею в виду, высшую, духовную, – Саша быстро взглянул на Валю, а затем перевел взгляд на потолок и для верности ткнул туда пальцем. – Ну, а если она и поверит, то, наверное, по той лишь причине, что будет уже твердо знать: этот способен на все, кроме обмана и предательства. А мужики врут, когда говорят, что могут уговорить любую женщину. Если только женщина сама не пожелает, чтобы ее поскорее уговорили. Либо если мужики – давно отпетые негодяи, которые действительно способны на все, вплоть до обсуждения в кругу себе подобных конкретных женских достоинств или недостатков. Таких я не принимаю на дух, хотя их немало, и с ними поневоле приходится общаться. По службе, например... А что обо мне говорят?.. Ну и пусть, если им легче оправдать себя. Это ж, в принципе, понятно, почему так рассуждают: уж если он, ваш случайный кумир так неразборчив в связях, как обычно выражаются завистливые ханжи, то чем я хуже? Но это как раз и означает, что он определенно хуже. А женщину надо любить, ибо в ней природа сосредоточила все, что нужно остальному человечеству. У меня, если хотите, и принцип в жизни такой: если ты можешь сделать женщине приятное, непременно сделай это. Ну а если она еще и нуждается в твоей помощи, тем более. К сожалению, такая постановка вопроса почему-то не находит горячей поддержки у моей жены. А вот почему, до сих пор не знаю и не могу понять на протяжении уже почти двух десятков лет. Так что, если вам, дорогие мои, что-нибудь известно из области этой, в высшей степени темной материи, не томите, подскажите, а то так и помру непосвященным в ваши женские тайны. Что, слабо? – он смешно передразнил Катю и показал ей кончик языка.

– А ведь вывернулся, негодник! – воскликнула Катя. – Нет, ты заметила, Валюха, ведь он же почти сдался было нам на милость, но ухитрился увильнуть и выскочить невредимым? Молодец. И, как я рассуждаю, вполне достоин награды. Нет, Саша, не пугайся заранее, я не потребую от тебя жертвы. Но чисто по-женски хотела бы проверить, так ли то, о чем ты рассуждаешь с неподдельным пафосом? Во всяком случае, твое «непризнание» в своих чувствах мне пришлось по душе. Сестрица моя ненаглядная, как ты считаешь, могу я узнать то, что не удалось в свое время тебе? Пусть даже в лечебно-профилактических целях? – она задорно расхохоталась, снимая возникшее было напряжение.

– А ты – все такая же хулиганка, дорогая моя, – ласково усмехнулась Валентина и вздохнула. – Ну, почему нет? Лечись, дорогая. В любом случае, ты, я уверена, в докторе не разочаруешься. И вообще... – Она вдруг досадливо поморщилась, махнула рукой в сторону соседней комнаты и сказала голосом усталой пожилой женщины: – Знаете, пойду-ка я, ребятки, прилягу, что-то голова весь день не на месте... Катюша, ты поможешь мне убрать со стола?

Турецкий тут же вскочил, предлагая свою помощь, но обе женщины остановили его: сиди, мол, сами управимся. И действительно, быстро освободили стол от посуды, которую унесли на кухню, а потом вернулись и отодвинули его к стене, сложив, как книжку.

Валя посмотрела на Александра странным взглядом и вышла, не глядя на них, только кивнув и плотно притворив за собой дверь. А у Турецкого возникло такое ощущение, будто он только что совершил предательство в отношении Валентины. И он тоскливо посмотрел на Катю как на спасение, но встретил ее слегка насмешливый взгляд и почувствовал, что будто получил от нее неожиданный удар под дых. А ее неестественно блестящие глаза, в которых только что плавало столько откровенного желания, что совладать с собой Саше оказалось не под силу, оказывается, просто смеялись. Уж не над ним ли? И эта мысль вмиг отрезвила его.

Однако он продолжал внимательно разглядывать лицо Кати, ее прелестные веснушки, разбегающиеся от переносицы по бархатным щекам. Интересно, наверное, подумал он, в интимную минутку попробовать их сосчитать... вслух... И увидеть ее реакцию... Странное дело: родные сестры, но абсолютно разные, ничего общего, даже цвет глаз, не говоря об этих замечательных веснушках. Очевидно, одна похожа на отца, а другая на мать. Но до чего ж обе красивые!

И опять мелькнула мысль о Вале. Зря, конечно, затеялся весь этот разговор о прошлом... Неудобно, стыдно...

– Я знаю, о чем ты думаешь... – усмехнулась Катя. – Но она действительно весь день жаловалась мне на головную боль. Это и понятно. А тебе я хочу сказать совершенно искренне, что если бы мы оказались с тобой вдвоем, Саша, где-нибудь на краю света, я бы, ни секунды не задумываясь, отдалась тебе. И наверняка была бы безмерно счастлива, я знаю... Но, увы. Я Вале не говорила, что у Герки дела очень плохи. Спрашивала врачей, они ничего не обещают. Саша, помоги ей, очень прошу. Ты – крепкий, я тебе верю, помоги ей, не изменяй своим прекрасным принципам... А я? если я тебе так нравлюсь, как ты говорил, что ж, видимо, мне придется просто пожалеть себя и посочувствовать, что вот могла бы, да... не смогла...

Катя с лукавой грустью улыбнулась, и Турецкий понял, что время его кончилось. Он поощрительно подмигнул ей и поднялся, чтобы ехать домой...

Глава четвертая

К месту события

Так получилось, что улетали они почти одновременно, с разницей в полчаса. Первым уходил «Боинг» Кати на Бангкок, а за ним – «Ил-96» Турецкого.

Встретились незадолго до начала Катиной регистрации. Катя была свежа, как распускающийся бутон драгоценного цветка. Просто на зависть. Турецкий поглядывал на нее с мягкой улыбкой тихого восхищения, и невольное сравнение оказывалось явно не в пользу ревнивой Алевтины, попытавшейся устроить ему в агентстве маленький, «семейный» скандалчик.

Оказалось, что она, так и не дождавшись его в «Глории» накануне вечером, – а почему ожидала, ей одной было известно, он же не собирался возвращаться, о чем и обмолвился, уходя, – зачем-то позвонила Ирине. Объяснила, что хотела поговорить с Александром Борисовичем об их намечающейся командировке. Ирка, естественно, в свою очередь поинтересовалась, а где он может быть? И Аля «вывернулась», сказала, что Александр Борисович уехал, чтобы встретиться с женой Ванюшина, которая была утром в агентстве, и с ее прилетевшей из Краснополя сестрой, оказавшейся, насколько известно, свидетельницей покушения. Одним словом, Аля, возможно, того не желая, совершила мелкое предательство. Вот ведь к чему приводит иной раз непрошенная и несанкционированная «верхним» начальником инициатива! Она уж потом так сама себя ругала! Но отчего-то сомневался в ее раскаянии Турецкий.

Это хорошо, что Александр, верный своим принципам не скрывать правды, дозированной, разумеется, явившись поздно домой, честно доложил еще не заснувшей жене, у кого был и по какой причине. Сестры, как и полагал Турецкий, не должны были вызвать у Ирки подозрения. Так оно и оказалось, но надо же было Альке влезть не в свое дело! Вот он, явившись пораньше на работу, и «вставил» ей такой фитиль, что бедная девушка разрыдалась и поклялась больше никогда в жизни не проявлять самостоятельности без необходимых к тому оснований. А в качестве наказания Александр Борисович применил способ, которого больше всего боялась Алевтина: он сердито заявил ей, что уже собирался было взять ее с собой в Краснополь как помощницу в расследовании, но теперь об этом и речи быть не может. Алька чуть не грохнулась в обморок, чем очень повеселила душу «безжалостного» Турецкого. И он в конце концов «снизошел» к ее горю, но не до конца: сказал, что сперва сам ознакомится с обстановкой в городе, а потом подумает и, может быть, вызовет ее к себе для дальнейшего проведения следственных мероприятий – опросов свидетелей, поиска улик и так далее. Нет, конечно, он не собирался рисковать ею, об этом даже и не помышлял, но надо же было как-то определить систему наказаний, а то в следующий раз она еще и за ним следом устремится, от нее теперь всего можно ожидать: любовь – страшная сила. И далеко не всегда созидаящая...

Затем он вышел из агентства наружу, сделав вид, что от сильного раздражения должен закурить, а сам достал трубку мобильного и позвонил на квартиру Ванюшиных. Он надеялся еще застать там Катю, которая собиралась улететь сегодня же, а заодно узнать и о планах Вали, тоже, как и он, отправлявшейся в Краснополь, к мужу и маме, переживавшей навалившуюся беду. И угадал, Катя уже уложила свой красный кофр на колесиках, которым успела похвастаться вчера, а Валентины еще не было, она с утра умчалась в авиационную кассу за билетом, и пока не возвращалась. Вот Катя и дожидалась ее.

– А ты запиши мой номер мобильного, – сказала она. – На всякий случай, мало ли? Никто ж не может знать, как сложится наша дальнейшая жизнь, правда?

– Разумеется... – Он достал из кармана авторучку и авиабилет – ничего другого, на чем можно было бы записать, у него при себе не оказалось. – Диктуй, я записываю, – сказал он и усмехнулся, сообразив вдруг, что этот билет становится для него гораздо более важным, чем

можно было предположить, документом. – А ты знаешь, – вдруг признался он, – у меня никак не выходит из головы то, о чем ты сказала вчера вечером, ну, насчет края света. Хотя что-то будет согревать, ведь иногда бывает очень холодно...

– Я искренне обрадуюсь, Саша, если издалека сумею тебе помочь... А еще я хочу тебе предложить там, в городе, остановиться у нас с мамой. И ее номер тоже запомни, впрочем, Валька тебе продиктует сама... Кстати, о ней. Я боюсь, что сестренке там станут активно трепать нервы. У нас это очень любят, садизм такой, провинциальный. Зато им и в головы не придет, что ты – это ты. И Валька там же, рядом с тобой, будет. Ей, если случится неизбежное, очень понадобятся, Сашенька, твои поддержка и помощь. Ты прости, что я, возможно, вмешиваюсь в твои планы, но я чувствую, что только с тобой и надежно... Зря, наверное, я улетаю, но я уже три года не была в отпуске, не освобождала голову от наших телевизионных забот, понимаешь? Уже заговариваться начинаю, на людей лаять... Срываюсь без конца. Да и шеф меня с радостью выгнал, воспользовавшись ситуацией. Кстати, вполне можешь и к нему обратиться, тоже запиши его номер. Поддержка в средствах массовой информации тебе не мешает. А шеф на наших «правоохранителей» большой личный зуб имеет... Скажи, а может, мне отложить этот вояж, а?

– Нет, нет, обязательно лети, расслабься, в океане купайся, лопай экзотические фрукты. Это просто необходимо, особенно такой молодой и красивой девушке, как ты. И не думай о плохом. Да и чем ты Вале поможешь, сочувствием разве что? А я тут, если что... ты понимаешь?

– Я не сомневаюсь, Саша...

– А знаешь, – решился он, – чего бы я сейчас хотел больше всего?

– Интересно!

– Не угадаешь... – Он сделал паузу. – Сосчитать твои веснушки на щечках. И почувствовать их бархатную мягкость, вот. Я вчера только об этом и думал, – он засмеялся. – Правда, дурак, да?

– И ничего смешного, – словно бы обиделась она. – Так мне еще никто не признавался в своих... чувствах. Спасибо, Сашенька, можешь мне поверить, я тебе этого никогда не забуду и не прощу... Но тогда и я хочу кое в чем признаться, можно?

– Конечно!

– Если бы я была твоей женой... ну, хотя бы любовницей, понимаешь?... Я бы тебя убила за одну только мысль о том, что ты способен на такой подвиг. Обожала бы, как ненормальная, но все равно убила бы... Мне вчера вечером, когда ты уже уехал, Валька рассказала о твоей семье. О некоторых твоих фокусах. Слухами ведь земля полнится, а в вашей прокуратуре – тем более. Еще – о своей сумасшедшей любви к тебе – в те годы, конечно. И о том, что главной причиной твоего расхождения с Герой, о чем ты, разумеется, даже и не догадываешься, было то, что он не мог не замечать Валькиных чувств к тебе. Но он был... на что уж теперь надеяться, был, конечно, слишком правильным, чтобы заводить с женой разговор на эту тему. Ты, когда встретишься с ней, не проговорись о том, что я тебе сказала, а то она очень переживать будет. У нее и без того слишком много сейчас... Вот и все, мой милый, очаровательный, несостоявшийся любовник, о чем я очень жалею, можешь мне поверить. До свиданья, возможно, действительно где-нибудь, когда-нибудь... если мы не будем к тому времени слишком старыми!

– Спасибо за то, что оставляешь надежду! – рассмеялся Турецкий. – Ну и когда он, твой самолет-то?

И после ее ответа, с неожиданной для себя радостью, отметил, что он ведь вполне может еще успеть помахать ей ладонью вслед. Просто раньше надо выехать в аэропорт. Но не сказал Кате об этом, а лишь весело простился и пожелал удачи. Но подумал, что без такого вот жеста с его стороны их вспыхнувшие чувства друг к другу остались бы неполными, куцыми, лишенными, черт возьми, так необходимой в подобных случаях ностальгии при расставании.

Катя была чрезвычайно удивлена.

Отыскав в толпе улетающей публики ярко-красный кофр и рядом – ее, не то, чтобы совсем уж скорбную, но явно печальную фигурку, а вслед за тем и вспыхнувший изумлением взгляд, который она, скорее, машинально остановила на нем, не сразу узнав, он поблагодарил себя за мысль проводить ее. Прижавшись щекой к его груди, взволнованная Катя цепко обхватила его подрагивающими руками и шептала без остановки, будто молитву:

– Ты знаешь, а я все-таки и ждала, и не надеялась... Неужели не поймет, неужели не взглянет хоть напоследок?.. Даже загадала про себя, если сегодня еще увижу, все будет хорошо. А тебя не было, и я здравым умом понимала уже, что ничего хорошего ждать не придется. Но ты пришел... А я даже не знаю, что тебе сказать, все мысли и слова из головы вылетели... Нет, я не влюблена в тебя, я понимаю, этого нельзя, и тебе самому будут мешать лишние волнения, как там она, что с ней... Ничего этого не надо, лишь бы знать, что с тобой все в порядке, а, значит, и с моими... Ты ведь не дашь их в обиду?..

Это была первая ее фраза, произнесенная вопросительно. Катя подняла голову и требовательно уставилась Александру в глаза.

– Само собой, разумеется, – ответил он. – А как же иначе? Могла бы и не беспокоиться. Мне показалось, что мы прекрасно поняли друг друга... Ты знаешь, я вдруг почувствовал сильнейшее желание, просто потребность, махнуть тебе рукой – на дорожку, чтоб полет и отдых были удачными, и на душе у тебя осталось тепло от нашей неожиданной встречи.

– Спасибо, милый... – она все не отпускала его от себя. Но вдруг улыбнулась лукаво, здорово у нее это получалось: – Дома не попало за позднее возвращение? У тебя ж принцип – не врать?

Он засмеялся.

– Не врать, это еще не значит выкладывать на стол все без разбору. Дозировать надо информацию, но от этого она не становится ложью. Я рассказал все, как было, кроме... собственных ощущений, до которых никому нет дела. Я, возможно, просто забыл о них, – могут же у меня быть провалы в памяти?.. Опять же – и возраст. Слышала анекдот, как пациент разговаривает с врачом? «Доктор, – говорит, – у меня появились провалы памяти». А доктор: «Давно?» – «Чего, давно?» – «Так провалы». – «Какие провалы, вы о чем, доктор?»

Катя хохотала взахлеб, будто из нее вместе со смехом изливалась горечь последних событий, и она успокаивалась, настраиваясь наконец на волну добра и дружеского тепла, на волну отдыха от всех неприятностей.

– Какой ты молодец, – выговорила, наконец, – как ты умеешь успокаивать!

– Ну и слава богу. Теперь ты, вижу, в норме. А то стоит, понимаешь, мировая скорбь, тут не об отдыхе, а о клинике надо беспокоиться... Умница, ты – очень хороший человек. Я могу без конца повторять, что искренне счастлив, что познакомился с тобой... Но скажи мне, как все-таки отреагировала на нашу болтовню Валя? Не обидел ли я ее случайно? Откуда ж мне было знать о ее чувствах? И как мне теперь вести себя с ней? Ты же ее знаешь...

– А вот как со мной разговариваешь. Открыто и честно. Она ведь тоже летит где-то совсем скоро. Сегодня, я имею в виду. Может, еще и встретитесь. Не бери в голову. Мы с ней любим друг друга и никогда не ссоримся. Единственное, в чем наши взгляды расходились, это в отношении к Герке. Тот был всегда слишком спокоен, холоден... Все знал, понимаешь? Ни в чем не сомневался. Но у живых людей так ведь не бывает?

– Почему ты все время повторяешь: был? Разве что-то уже случилось? – Турецкий напрягся.

– Да, конечно... – Катя смутилась. – Нельзя так, когда человеку плохо... А я, честное слово, не хотела перебегать дорожку, которую Валька, возможно, мысленно протоптала для себя. Не знаю. Но когда ты появился, я сразу подумала, что мне нужен именно ты, и никто

другой. Я ведь тоже очень самонадеянная девчонка, всегда была такой. А у нас, на телевидении, кстати, другой и быть нельзя, – съедят. Так что прости, я, в самом деле, не хотела напрягать ни сестренку, ни тебя, уж как вышло...

– Ты будто оправдываешься, а зачем? И перед кем, передо мной? Но у нас же фактически ничего и не было, кроме... ну, кроме сегодняшнего телефонного разговора.

– А это ты сейчас сам узнаешь, – улыбнулась она и ловко отцепилась от него, как будто и не сжимала только что в своих объятиях. – Обернись и удивись.

Турецкий обернулся и увидел Валентину, которая с тяжелой сумкой в руке пробиралась между группами отлетающих в Таиланд туристов, одетых в теплые куртки, и вертела головой в поисках сестры, кого же еще?

– Секунду, – сказал он Кате и быстро пошел навстречу Валентине. – Валя! – окликнул он, и увидел, как вспыхнуло ее лицо: она явно не ожидала такой встречи.

– Ух, слава богу, успела! – выдохнула она, отдав ему свою сумку, но избегая, однако, взгляда Александра и нарочито пылко обнимая сестру. – А у меня тоже совсем скоро... – сказала, словно оправдываясь, явно для Турецкого. – Катюшенька, ты дома ничего не забыла? Там какие-то купальники...

– Все мое ношу с собой, – хмыкнула Катя. – А это – лишние, не знаю, зачем сунула их в кофр. Ладно, оттуда не звонили?

– Нет... И мамы нет дома. Не отвечает домашний. А с мобильниками... ты ж ее знаешь, она их боится. Как бы не было беды, сердце болит.

– Ничего, Валюшка, – успокоила Катя, – Саша рядом будет, он пообещал. Да, Саша?

– И двух мнений нет, – бодро отозвался он, уже видя, что добровольно взваливает на свои плечи дополнительный груз, и еще неясно, какой из них тяжелей, – служебный или теперь личный. – Как говорится, бог не выдаст, свинья не съест. Так ты каким рейсом, – спросил у Вали, и та, не отвечая, раскрыла сумочку и достала билет. – Не знаю, посмотри.

Все правильно, он летел тем же самым, дополнительным рейсом. Подумалось, что вряд ли это было простым везением. Но не заводить же разговора на эту тему!

– Внимание!... – разнеслось из динамиков.

– Ну вот, и мой! – бодро сказала Катя, выслушав объявление о начале регистрации билетов. – Вы не ждите, это будет долго. Пойдите, кофейку, что ли, выпейте.

Но у стойки появилась вторая девушка в форме, принялась тоже регистрировать билеты отлетающих пассажиров, и очередь пошла быстро. Александр с Валею дождались, когда подошла очередь Кати. Сестры порывисто обнялись, и Валентина отошла в сторону, как бы уступая место Турецкому. И он не стал церемониться, тоже крепко обнял Катю и звонко, даже вызывающе громко, чмокнул ее в щечку. И подмигнул, отстранившись. Она засмеялась:

– Долго помнить буду! Ну, пока, звоните, если что случится.

– Отдыхай, – отмахнулась Валентина. – Незачем волноваться. Мы уж как-нибудь с мамой справимся... Я поживу у нее некоторое время, пока Гера не... ну, не вылезет из комы.

– Дай вам бог, – кивнула Катя и ушла к стойке. Ее немедленно заслонили другие, странно, по-летнему одетые туристы, отлетающие на курорты южных морей.

– Пойдем, действительно по кофейку? – предложил Турецкий.

– Извини, это у меня случайно так получилось, – оправдываясь, сказала Валя.

– Да что у вас за манера – все время извиняться, как будто вы обе в чем-то виноваты? Валюша, не надо, успокойся, никто тебя ни в чем не подозревает, а вот поговорить нам с тобой обязательно надо, вряд ли там предоставят такую возможность. Потому что уже на трапе, выходя из самолета, мы не будем знакомы друг с другом. До определенного времени, пока я не скажу, ладно?

– А что я могу ответить? Это ж твоя работа... – И добавила без всякой связи: – Катюшка счастлива... Как я рада за нее...

– Я тоже рад, что вы обе счастливы, – двусмысленно ответил Турецкий. – Ты не бойся за себя, я тебе помогу. А Катюшка у тебя – хорошая сестра, просто отличная. И тебя любит. Только о тебе и говорит. Давно не видел таких отношений между сестрами.

– Тебе ведь она тоже понравилась, – лицо у Вали снова зарделось. – Я очень рада за вас обоих, можешь мне поверить. К сожалению, себе я могла бы разве лишь мысленно пожелать подобной радости. Видел бы ты ее лицо...

– Видел, – тактично напомнил он. – Только что. И тоже восхитился. Но давай пока оставим эту тему, тем более что она и не могла иметь счастливого продолжения. Давай о деле... Итак, Катя все, о чем знала от Геры, мне уже пересказала. Он не был щедр на информацию, потому что, видимо, отлично понимал: чтобы его сломать, заставить отступить, эти типы могли «заинтересоваться», мягко выражаясь, теми, кто его окружал. Сейчас поздно говорить, но он ошибся, невольно подставляя под удар твою маму и сестру. Опытный сыщик не должен совершать подобных ошибок. И отлет Кати – акция очень удачная и своевременная. Это правильно. Я и сам хотел предложить ей спрятаться, скрыться где-нибудь хотя бы на время. Ладно, что сделано, теперь уже не исправить. Но теперь надо думать о тебе. Что может быть тебе известно? Я имею в виду те факты, которые могли бы представлять опасность или прямую угрозу для тех мерзавцев?

– Практически ничего, – ответила Валентина, усаживаясь на подвинутый Александром стул в баре. – Может быть, даже гораздо меньше твоего. У мамы разве что спросить? Но как рассказать тебе, если мы не будем встречаться?

– Это кто тебе сказал?

– Ну... ты же! Или я не поняла?

– Скорей всего, не поняла. Я сказал, что для всех прочих мы с тобой не знакомы. Это чтоб они к тебе не лезли с вопросами, кто нанял частного сыщика? Но факт нашего незнакомства вовсе не означает, что один хитрый сыщик не сможет проникнуть в ваш с мамой дом под покровом густой темноты. Слушай, – улыбнулся он, – а ты чего постоянно краснеешь? Это я, что ли, виноват?

– Перестань, Саша, не надо, – смутилась она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.